

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЬЕ

ЖИЛ-БЫЛ РАЗ,

ЖИЛ-БЫЛ ДВА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Франк Тилье

Жил-был раз, жил-был два

Серия «Звезды мирового детектива»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65824293

Франк Тилье. Жил-был раз, жил-был два: Азбука, Азбука-Амтикус;

СПб; 2021

ISBN 978-5-389-19910-1

Аннотация

Семнадцатилетняя Жюли бесследно пропала в марте 2008 года, оставив на крутом склоне прислоненный к дереву велосипед. Исчезновение девушки потрясло Сагас, городок, затерянный в Савойских Альпах. Отец Жюли, лейтенант Габриэль Москато, в отчаянной попытке отыскать дочь устремился по ее следам. После месяца безрезультатных поисков он оказался в гостинице «У скалы». Взяв у владельца журнал регистрации, он отправился в номер 29 на третьем этаже. Среди ночи он внезапно проснулся от глухих ударов в окно... Снаружи шел дождь из мертвых птиц. Ни его вещей, ни телефона в номере не было. И вообще, это другой номер, на другом этаже. Взглянув в зеркало, он не узнает себя, зато узнает у портье, что на дворе 2020 год, а его дочь так и не нашли... И именно в этот день, будто повтором страшного фильма, утром на берегу реки находят тело молодой женщины.

И вот двенадцать лет спустя – с опозданием на двенадцать лет начинается новое расследование.

Впервые на русском!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

148

Франк Тилье

Жил-был раз, жил-был два

Перевод с французского

Franck Thilliez

IL ÉTAIT DEUX FOIS

Copyright © 2020, Fleuve Editions, Département d'Univers

Poche

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

© Р. К. Генкина, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Литературный путь Франка Тилье, инженера-компьютерщика по образованию, начался с триллера «Адский поезд для Красного Ангела» (2004). Через год его роман «Комната мертвых» мгновенно стал бестселлером, получил читательскую премию «Набережная детектива» (2006), премию за лучший французский детектив компании «Французские железные дороги» (2007).

Ныне Тилье – признанный лидер детективного жанра, ав-

тор двух десятков книг, переведенных на многие языки мира.

Роман Франка Тилье «Жил=был раз, жил-был два» буквально потряс меня.

Франсуа Бюнель. La Grande Librairie/La P'tite Librairie

Франк Тилье заставляет в мгновение ока переходить от ужаса к отчаянию, от отчаяния к надежде.

La Parisien

Суперинтрига. Автор заставляет вас утратить всяческие ориентиры.

Сандрин Бажос. La Parisien

Перевернув последнюю страницу, мы замираем, пораженные невероятным, дьявольским мастерством автора!

La Figaro Littéraire

Тилье мастерски сбивает вас с толку.

Анн Ммартель. Амьен, Librairie Martelle

То, что вы взяли из моих произведений,

*Было лишь отходами меня самого,
Оскрёбками души,
Которые нормальный человек не принимает.*
Антонен Арто

В любой вещи главное – ее окончание.
Аристотель

1

Гостиница «У скалы» угнездилась там, где долина реки Арв сужалась, превращаясь в скалистую воронку, в трех километрах к востоку от Сагаса. Позади здания на сорок шесть комнат возвышалась стодесятиметровая известковая стена, даже в самый разгар лета остававшаяся по большей части в тени, кое-где за скалу цеплялась чахлая растительность, укрытая от солнца серыми и белыми пиками Савойских Альп. Круглый год здесь царил холод: потоки ледяного воздуха стекали с заснеженных вершин, особенно сильные этим апрелем 2008-го, когда весна все тянула со своим приходом.

Время близилось к полуночи, когда лейтенант Габриэль Москато появился в гостиничном холле, одном из типичных обветшалых вестибюлей со стенами, обитыми жестким плюшем бурого цвета. Выстроившаяся на полках коллекция

рождественских фигурок придавала помещению вид старого постоялого двора с сомнительной репутацией. Жандарм знал владельца этого двухзвездочного заведения: Ромуальд Таншон два года подряд предлагал его дочери работу на лето, а потом взял ее на стажировку.

Мужчины пожали друг другу руки. Хозяин уже давно не видел Габриэля Москато. Кутавшийся в темно-синюю парку с высоко поднятым воротом, представительный лейтенант жандармерии Москато – роста в нем было почти метр девяносто, – казалось, постарел лет на десять. Сколько он уже не спал?

– Мне очень жаль насчет вашей дочки, – сказал Ромуальд Таншон. – От всего сердца надеюсь, что вы ее найдете.

Габриэлю Москато приходилось выслушивать подобные сентенции весь месяц, стоило ему показаться в Сагасе, городке с тринадцатую тысячами обитателей, напоминающем горшок, втиснутый неизвестным отцом-основателем в выемку между горами – очевидно, при помощи кирки и трамбовки. Он слышал это на всех углах, в любой лавчонке, где только появлялся. Он был сыт по горло всеобщей жалостью, но из вежливости заставлял себя кивать. В конце концов, собеседники всего лишь хотели выразить сочувствие.

– Я обхожу все заведения в окрестностях Сагаса, которые принимают приезжих. И прошу администраторов предоставить мне список тех, кто проживал у них в день исчезновения моей дочери. В случае вполне понятного отказа я вызы-

ваю бригаду, что требует немалой бюрократической возни и сильно усложняет дело. Или же все можно спокойно решить на месте, и тогда мы все в выигрыше.

Ромуальд Таншон вытащил журнал с записями о постельцах из ящика под стойкой:

– Забудем про конфиденциальность. Если я могу помочь...

Он положил регистрационный журнал перед Габриэлем и застучал по клавиатуре компьютера.

– На дворе две тысячи восьмой год, а я до сих пор так и не привык полностью полагаться на цифровые технологии. По-прежнему записываю бронирование в старый добрый журнал. Там все: имя, фамилия, даты заезда и выезда, вид оплаты.

Он снял один из немногих ключей, еще висевших на стене. Большинство иногородних приезжали в Сагас навестить заключенных в исправительном центре, расположенном на окраине города, где в плачевных условиях содержалось две тысячи душ. С туристической целью сюда никто не ездил. Тюрьма, больница, окружной суд и жандармерия заменяли лыжные базы.

– Я дежурю до полуночи, – добавил Таншон. – Можете занять номер двадцать девять на сколько вам будет нужно. Перед уходом, если меня здесь уже не будет, оставьте ключ в корзинке, а журнал на стойке.

– Спасибо, Ромуальд.

Губы хозяина сложились в тревожную гримасу под густыми черными усами, в которых уже виднелись седые волоски. Сороковник никого не щадит.

– Это самое меньшее, что я могу. Жюли мне очень нрави-
лась. Поймите сволочь, которая это сделала.

Большим пальцем он ткнул себе за спину, в сторону две-
ри:

– Если я понадобится, нажмите кнопку вызова.

Габриэль поднялся на третий этаж. Пахло лакированным деревом и сыростью. Ночевка в таком месте вогнала бы в депрессию любого специалиста по позитивной психологии¹. Окно номера 29 выходило на скалу, высившуюся всего в два-
дцати метрах. Как Габриэль ни заглядывал вверх, он не уви-
дел проблеска ни одной звезды. Перед глазами лишь непри-
ступная крепостная стена тьмы, за которой, он снова это слы-
шал, исходила криком его дочь.

Тридцать два дня ада, и по-прежнему ничего. В тот день,
месяц назад, Жюли не вернулась домой вовремя. Ее горный
велосипед нашли утром 9 марта, на следующий день после
исчезновения девочки, на опушке густого лиственничного
леса, уходящего к горным вершинам. Жюли тренировалась
на склонах три раза в неделю, готовясь к гонкам в Шамони,
намеченным на июль. По мнению экспертов, семнадцатилет-

¹ *Позитивная психология* – психологическое направление, изучающее положи-
тельные аспекты человеческой психики. Предмет исследований позитивной пси-
хологии – все, что помогает человеку достигать счастья. – *Здесь и далее примеч.*
перев.

няя девочка резко затормозила на спуске в месте, расположенном метрах в пятидесяти от стоянки дробилок для гравия, на склоне между Сагасом и плато Альбион. Велосипед обнаружили прислоненным к дереву в конце следов торможения.

Бельгийские овчарки кинологовической бригады потеряли ее след у стоянки дробильных машин. Жюли была простой девочкой, дочерью жандарма и медсестры, работавшей сиделкой. Девчонка с гор, влюбленная в шахматы, природу и кино, не расстававшаяся со своим фотоаппаратом или цифровой камерой. Вертолеты с воздуха и десятки агентов пешком прочесали лес, обрывистые склоны, все плато. Водолазы обшарили русло реки, осмотрели все затоны, стволы деревьев, пни, железные обломки, способные удержать плывущее по течению тело.

Помимо поисков на местности, специальная группа из шести жандармов – и Габриэль в их числе – опросила друзей и одноклассников Жюли. Восстановили весь распорядок ее дня, собрали записи видеонаблюдения, номер за номером проанализировали данные телефонных звонков. Вечером, в свое свободное время, когда остальные возвращались к семьям, Габриэль в одиночку обходил гостевые дома, пансионы, гостиницы. Он задавал вопросы управляющим или же получал от них полный список гостей, который и копировал в свой блокнот. Похититель, если допустить, что эта версия верна, возможно, был из местных, кто-то из живущих в ле-

су или на высокогорных пастбищах, но он также мог быть и случайным заезжим. Не следовало пренебрегать никакими зацепками.

Номер 29 выглядел по-спартански. Стул без стола. Старый телефон с трубкой на проводе, тусклые занавески, до смешного убогая ванная, где унитаз располагался чуть ли не под душем. Никакого телевизора, зато мини-бар, щедро забитый алкоголем.

В этом заведении Жюли готовила завтраки, чистила этот старый палас. Габриэль представил себе, как она собирает простыни и полотенца. Не лучшая в мире работа, зато дочери удалось накопить карманные деньги на цифровую камеру. Кстати, эта камера две недели назад была приобщена к вещественным уликам по делу: Габриэль так и не смог найти карту памяти, в слоте ее не было. Возможно, незначительная деталь, ведь Жюли могла потерять ее или выбросить из-за повреждения. Так или иначе, карта отсутствовала, и это следовало особо отметить. В делах об исчезновениях любая малейшая аномалия становилась предметом всевозможных толкований. Каждая гипотеза требовала рассмотрения, поглощая время, деньги и человеческие ресурсы.

Габриэль Москато задернул шторы, сел на кровать, со вздохом облегчения стянул армейские ботинки на толстой подошве. Мизинец на правой ноге кровил после долгой ходьбы по Сагасу. С мобильного он послал сообщение жене, предупреждая, что сильно задержится. Она его, конечно, не

прочтет, оглушенная антидепрессантами.

Жадно поглядел на мини-бар, но решил, что сегодня вечером лучше не пить. Измотанный, он надавил костяшками больших пальцев на глаза, потом открыл журнал на странице 5 марта, за три дня до трагедии. Скрупулезно переписал личные данные всех постояльцев за семьдесят два часа, каждого из которых потом проверит по базе данных, а если потребуется, то и свяжется лично. Неблагодарная, кропотливая работа, но без нее не обойтись.

– Я отыщу тебя, Жюли. Клянусь, отыщу.

Где его дочь? Почему она затормозила на склоне, в пятидесяти метрах от стоянки для дробилок? Встретила кого-то знакомого? Бросили ли ее труп, привязав к ногам груз, на дно одного из озер или ее держат в каком-то грязном подвале в сотнях километров отсюда? Габриэль был в курсе удручающей статистики по исчезновениям. Убийственный ход времени, ломающий волю и разбивающий надежды даже самых упорных. Возможно, с течением месяцев и лет его дочь обратится лишь в имя, когда-то выкрикнутое в сердце гор.

После того как он исписал три страницы, усталость взяла свое. Габриэль пытался сопротивляться, но тщетно; тогда он лег на кровать поверх покрывала. Потом он заплакал, как плакал почти каждый вечер, иногда прижимаясь к жене, иногда свернувшись калачиком на своей стороне кровати.

Всегда ли столько думаешь о своем ребенке, когда он рядом? Любишь ли его так же сильно, как когда его рядом нет?

Габриэль не знал, предыдущей жизни уже не существовало. А в той, которая наступала, оставалось только страдание. К чему бы ни привели поиски, их жизни навсегда станут иными, сломленными, иссушенными всеми слезами, что они с женой пролили. Его глаза закрылись под тяжестью печали последних дней.

Он снова открыл их, разбуженный глухим шумом. Что-то стукнуло в стекло.

Габриэль встал пошатываясь, голова кружилась. Дотащился до застекленной двери. Что могло случиться? Он шагнул в дверь, ничего не понимая, – по всей логике на третьем этаже не могло быть двери, ведущей наружу, – и оказался на асфальте, на уровне паркинга за отелем.

Внезапно левое плечо пронзила острая боль. Врезавшаяся в него птица расплющилась у его ног с приоткрытым желтым клювом. Габриэль не мог объяснить себе то, что видел. Чуть дальше валялся еще один жалкий комок перьев.

Сильные удары вдруг гулко забухали по железу машин и черепице крыши. Кутающиеся в халаты люди выглядывали из своих номеров, поднимая заспанные лица к небу. Черные плотные снаряды десятками выныривали из мрака, чтобы разбиться со звуком дробящейся плоти. Ошеломленный Габриэль отступил, укрываясь в своей комнате, в то время как его сосед в пижаме орал ему в ухо нечто вроде: «Вы видели это? Нет, вы это видели? Апокалипсис какой-то!»

Да, Габриэль это видел. Конечно видел.

Шел дождь из мертвых птиц.

2

Все еще полусонный, Габриэль разомкнул веки, чувствуя в пересохшем рту вязкий вкус, как наутро после пьянки. Его тело большого кузнечика лежало на животе поперек кровати на скомканных простынях, раскинув руки. Он облизал губы, с трудом повернул голову. На электронном будильнике слева высветилось 11:11.

Он выругался в подушку, все еще пропитанный испарениями своего кошмара. Эти безжизненные птицы, несущиеся с неба, разбивающиеся об асфальт и капоты машин...

Воспоминание опять вызвало дрожь. После исчезновения Жюли его сны обрели такую силу, стали настолько реалистичными... Поднявшись на ноги, Габриэль почувствовал жуткую тяжесть в голове, словно в ней собралась вся кровь его тела. Ему понадобилось секунд двадцать, чтобы все вспомнить.

Гостиница... Номер 29... Журнал...

Мелкий дождь ненастного весеннего дня постукивал по стеклу. Он огляделся. Не увидел ни своего телефона, ни журнала, ни блокнота. На полу валялась сумка с мужскими вещами, которая ему не принадлежала. На спинке стула кожаная куртка, а на прикроватном столике очки в черной оправе. Куда он дел свою темно-серую парку? Откуда взялись эти

грубые замшевые сапоги в ковбойском стиле вместо его армейских ботинок?

Снаружи послышался шум мотора. Он подошел к окну и с ужасом понял, что его кошмар был реальностью. Десятки, а может, сотни птиц усыпали асфальт. Как и ночью, он толкнул створку двери – кстати, так и оставшуюся приоткрытой – и нагнулся, чтобы прикоснуться кончиком пальца к ближайшей птице. Крошечное тело заледенело, глаза были затянуты серой пленкой. Он выпрямился, не в силах поверить в происходящее.

Только в этот момент он осознал, что находится на первом этаже, двумя этажами ниже, чем заснул накануне. Дверь, в которую он только что шагнул, позволяла входить и выходить, минуя стойку портье, как в мотелях. Он кинулся к прикроватному столику, на котором лежал ключ с большим брелоком. На белом шаре был написан номер 7.

Ладно-ладно... Не торопись и подумай. По всей видимости, он не в своей комнате. Он заснул в номере 29, а проснулся в чьем-то чужом номере. Может, у него случился приступ сомнамбулизма? В бессознательном состоянии он присутствовал при невероятной массовой гибели птиц – зрелище, достойном фильма Хичкока, – а потом снова заснул.

Он проверил содержимое мини-бара: нетронута. Значит, он не пил. Или же надрался в своем собственном номере, прежде чем отправиться бродить по коридорам, а потом открыл первую попавшуюся дверь? Ничего подобного не слу-

чалось с ним прежде, но все последние дни коллеги советовали ему притормозить. Исчезновение, переутомление, постоянный недосып – вот мозги и переклинило, но одно совершенно точно: у этой ситуации существует рациональное объяснение.

Босиком он поднялся на третий этаж, судорожно прикидывая: если он провел часть ночи в номере 7, куда же делся тип, которому он принадлежал? Почему ковбой бросил свои вещи? В конце узкого коридора дверь с цифрой 29 на ней была заперта. Он постучал, но безуспешно. Новый день обещал стать дерьмовым, как и предыдущие.

Вернувшись в каморку внизу, Габриэль набрал на гостиничном телефоне номер своего вечного напарника. Попал на автоответчик и оставил сообщение: *«Алло, Поль, это я. Ты не поверишь: я задремал в гостинице „У скалы“, а ночью пошел дождь из мертвых птиц. Сотни птиц падали с неба, как градины! Короче, буду в бригаде через полчаса. То есть если найду свои вещи... Потом все объясню. Чао-чао».*

Заодно он позвонил жене. Механический голос сообщил, что данный номер никому не принадлежит. Он набрал снова, тщательно следя, чтобы не ошибиться кнопкой. Тот же припев.

– Что за бардак?

Пошел по коридору к стойке администратора, где женщина лет сорока разговаривала по телефону. Она повесила трубку, не преминув бросить косой взгляд на его босые ноги.

– Мы не единственные, кто попал под град птиц, – сообщила она голосом, в котором все еще звучала паника. – Этот дождь шел повсюду вокруг гостиницы, до самого виадука на въезде в Сагас. В жизни такого не видела. Они, конечно, из той колонии.

– Из какой колонии?

– Вы же наверняка ее заметили, когда вчера подъезжали, верно? Колония скворцов по обоим берегам Арва.

Заметив округлившиеся глаза Габриэля, женщина сочла своим долгом пояснить:

– Специалисты считают, что там около семисот тысяч особей, прилетевших из Северной Европы и мигрирующих в Испанию. Три дня назад они сделали остановку в Сагасе. В полете они выписывают невероятные фигуры в небе, а их крик слышен на сотни метров вокруг. Если вы выйдете и прислушаетесь, сами удостоверитесь.

Она увидела, что Габриэль ничего не понимает, но не стала настаивать:

– Чем могу помочь? Может, вы дверь случайно захлопнули?

– Нет, не в том дело. Вчера вечером мсье Таншон дал мне ключ от номера двадцать девять около... точно не помню, во всяком случае было уже поздно. А глаза я открыл в номере семь, и вокруг были не мои вещи. Я подумал, что со мной случился приступ сомнамбулизма или что-то в этом роде.

Она повернулась к висевшей на стене ключнице. Сняла

Один ключ.

– Получается, вы спустились с третьего этажа на первый, сами того не заметив, вроде зомби, выставив руки вперед? И зашли в другую комнату?

– Не вижу другого объяснения.

– А где тогда клиент из седьмого номера? В двадцать девятом?

– Не исключено.

– Быть этого не может, потому что ключ от двадцать девятого здесь. Если только он не повесил его на место, а я и не заметила... Простите, но эта история с птицами выбила меня из колеи.

Габриэль впадал во все большую растерянность. Например, он совершенно не помнил, чтобы фигурок святых на полке было так много, как и того, чтобы они отличались подобным уродством. Он был уверен, что никогда не видел эти фальшивые часы – копия с картины Сальвадора Дали «Постоянство памяти», – которые растекались, словно плавленный сыр, на углу стойки. Экран компьютера выглядел сегодня больше и тоньше, чем накануне.

Эти детали вгоняли Габриэля в дурноту. Все казалось ему и похожим, и другим, будто он шел по границе между двумя мирами. Женщина положила перед ним ключ от номера 29 и начала стучать по клавиатуре. Посмотрев на экран, она бросила на жандарма вопросительный взгляд:

– Нет, нет, тут явно что-то не так. Номер, в котором вы

проснулись, действительно был зарезервирован на одну ночь неким Уолтером Гаффином, и он его еще не сдал. Значит, он либо по-прежнему в гостинице, либо вышел посмотреть, что происходит с птицами, но скоро должен вернуться. Зато у меня не отмечено резервирования комнаты, которую вы, по вашим словам, оплатили.

Габриэль пошевелил пальцами ног, стоя босиком на холодных плитках пола. Он хотел только одного – побыстрее покинуть это дьявольское заведение и вернуться в бригаду. За спиной дожидалась своей очереди какая-то клиентка с рюкзаком на спине. Молоденькая, темноволосая, вся в татуировках.

– Потому что мсье Таншон не внес меня ни в журнал, ни в компьютер. Он просто предоставил мне номер двадцать девять на несколько часов. Уходя, я должен был положить ключ в корзинку, но я заснул.

– Чтобы Ромуальд просто «предоставил» комнату? Да у вас больше шансов скормить вегану антрекот.

– Послушайте, не будем же мы торчать тут целую вечность. Дайте мне этот ключ, чтобы я забрал свои вещи. Я верну его через пять минут.

Сорокалетняя дама неприязненным жестом протянула ему ключ и обратилась к девице, которая уже начала проявлять нетерпение. Габриэль, весь на нервах, поднялся на этаж. Что она там несла? Какой еще «веган»? Эта гостиница его с ума сведет.

Он отпер дверь и вошел в номер 29. Пустой, с нетронутой постелью и задернутыми шторами. Пахло чистящими средствами и комнатным дезодорантом. Он подошел к окну. Скала... Внизу темные и красные пятна от падения пернатых... Ровно на этом месте он и стоял вчера перед тем, как заснуть, сомнений быть не могло. Он тогда присел на матрас с журналом в руке и скрупулезно переписал данные клиентов в свой блокнот.

Заглянул под кровать, потом в ящик прикроватного столика – на случай, если горничная убрала туда его вещи. Где этот чертов блокнот? И его жандармская форма? Куда дели его армейские башмаки?

Когда он зашел в туалетную комнату, отражение в зеркале подействовало на него как пощечина.

Это был не он.

3

Не в силах оторваться от зеркала, Габриэль застыл лицом к лицу со своим двойником.

Нет, вообще-то, это был он, но совсем другой он: наголо выбритый череп, козлиная бородка с проседью, морщинки в углах глаз и три глубокие складки на лбу. Он приложил ладони к щекам, пальцы скользнули к слегка обвисшему подбородку, потом к горлу, усеянному редкими поблескивающими серыми волосками.

Он, но куда более старый.

Почувствовал, что его закачало, вцепился в край раковины, чтобы не упасть. Он никогда не видел шерстяного темно-синего свитера, который сейчас обтягивал его торс. У джинсов был другой покрой. Тело стало более сухим, вытянутым, кости ключиц торчали, а на шее проступили сухожилия.

Пяťась, он отступил назад, совершенно оглушенный, чуть было не полез искать свои волосы в мусорной корзине или в стоке душа, что было верхом глупости. Где он побрил себе череп? Зачем? Что случилось с его телом?

Он невольно снова подошел к зеркалу, натянул кожу лица, прогоняя морщины. Эти миндалевидные глаза и рот с бледно-розовыми губами, безусловно, его. Ему ничего не привиделось. Все было слишком реалистичным, он находился в ясном сознании. Он, безусловно, не спал, и человек, смотревший на него из зеркала, был он сам.

Голова закружилась. Он закатал свитер, посмотрел на свой живот, выступающие мослы, чуть растянувшуюся кожу в области желудка. Собственная анатомия ужаснула его. На шее он заметил черный шнурок, на котором висел тяжелый ключ со сложной резьбой. Он ощупал его, пытаясь вспомнить, по какой причине ключ болтается у него на груди. Пустота. В панике выскочил в коридор, вцепился в мужчину, который толкал перед собой тележку, набитую постельным бельем:

– Вы убирались в двадцать девятом номере? Там оставались мои блокнот, мобильник и жандармская парка с документами в кармане.

Мужчина, лет сорока, казалось, растерялся. У него был лысеющий череп и гладкий, как сковородка, лоб. Плечи и бицепсы регбиста заросли на редкость густыми волосами. На белой майке красовалось красно-белое изображение электрической гитары. Он уставился на Габриэля, приоткрыв рот, отчего обнажились его передние зубы.

– Что за игру ты затеял?

– Мы знакомы?

Ростом не ниже Габриэля, но более кряжистый, мужчина бросил взгляд на босые ноги собеседника, затем снова вернулся к его лицу. Глаза гиганта казались двумя черными тучами на грозовом небе. В конце концов он повернул голову и сверился со своим рабочим списком:

– Да, мы были неплохо знакомы. Ты меня удивляешь. И нет, я не был в двадцать девятом, сегодня ночью его никто не занимал.

Сутулясь, он удалился со своей тележкой, не добавив больше ни слова, и исчез за одной из дверей, бросив на Габриэля последний взгляд. Почему так странно вспыхнули его глаза и откуда этот горький укоряющий тон? Мужчина сказал: «Мы были неплохо знакомы». В прошедшем времени.

Габриэль спустился в тот номер, где проснулся, и порылся в спортивной сумке. Трусы, носки, одноцветная си-

няя майка, туалетные принадлежности, ничего больше. В одном из карманов кожаной куртки зажигалка с выгравированной волчьей головой; в другом – чехол, застегивающийся на кнопку, для брелока автосигнализации, на цепочке которого болтались три ключа, один из них от машины. Немецкая марка. Он наклонился к сапогам. Сорок четвертый размер. Почти его – он носил сорок третий. Дрожащей рукой взялся за очки. Они идеально подошли, но никак не повлияли на зрение: он прекрасно видел что с ними, что без них.

Полная бессмыслица.

Габриэлю пришлось присесть. Сейчас он проснется и вырвется из этого длинного, бесконечного бредового туннеля. Он бродил по какому-то проклятому месту, словно в каком-то плохом фильме ужасов. В реальности не было никакого дождя из птиц. Может, даже дочь никуда не исчезала. Она ждет его дома. Они поиграют в шахматы или поедут вместе кататься на велосипедах по горным тропинкам и по лесу.

Он попытался дозвониться до своего коллеги Поля, потом до жены. «Номер не существует». Ну конечно. Это входило в набор «полный бред».

Но и дальше ходить босиком по этим коридорам глупо. Он достал из сумки носки, натянул их, потом – жуткие, но удобные сапоги. Тяжелая кожаная куртка была немного велика, но в целом села неплохо. Он отдаст эти шмотки владельцу, когда все прояснится.

Минуту спустя, с комом в горле и двумя ключами в кулаке, он плелся к регистрационной стойке.

– Отыскали в конце концов свои вещи? – спросила администраторша.

– Уолтер Гаффин так и не появился?

– Нет.

– Мне нужно поговорить с Ромуальдом Таншоном.

– Сожалею, но он на весь день уехал в Лион, у него встреча с партнерами по поводу единой системы онлайн-резервирования. Должны же мы ориентироваться и на другую клиентуру, кроме как на семьи заключенных. Я знаю, Сагас – гнилой городишко, но окрестности-то красивые. Еще бы лыжные баз...

– Послушайте, – прервал он женщину, – я лейтенант Габриэль Москато, жандарм из Сагаса. Я знаю мсье Тансона, моя дочь работала в этом заведении два лета подряд. Я приехал сюда вчера вечером, взял на время журнал регистрации клиентов и...

– Габриэль Москато? Вы... вы отец малышки, которую так и не нашли?

– Мы мобилизовали все наши силы, поиски продолжают-ся. Еще и месяца не прошло, мы найдем ее.

Женщина покачала головой и посмотрела на него с удивлением:

– Месяц? Но... Какое, по-вашему, сегодня число?

– Девятое... может, десятое... Да, десятое апреля. Сего-

дня четверг, десятое апреля.

– Десятое апреля? А какого года?

– Две тысячи восьмого.

Она долго смотрела на него, не моргая, и наконец ответила голосом, который резанул уши Габриэля с жесткостью алмаза:

– Но сегодня шестое ноября две тысячи двадцатого. Прошло двенадцать лет с тех пор, как исчезла ваша дочь.

4

Птиц было не объехать, как ни сбрасывай скорость и какие зигзаги ни выписывай.

Под низким цементного цвета небом машина жандармерии припарковалась на обширном грунтовом участке между очистной станцией, обслуживающей несколько коммун, и заводом по переработке отходов, который было видно с дороги, если глянуть вниз. Бурые, охряные и серые насыпи, похожие на гигантские песчаные груды, выстроились преградой перед рядами сосен и редкой ольхи, вросшими в берега Арва. На заднем плане тучи спускались с горных вершин, растекаясь по обрывистым склонам густыми полосами с металлическим отливом. Возникало ощущение, будто до неба рукой подать, но пропадала надежда на погожий день. В Сагасе солнце иногда не показывалось неделями. Жители называли это затянувшееся отсутствие света «черной смертью». Чер-

ная смерть подтачивала моральный дух и приводила к резкому росту числа самоубийств, особенно осенью. Официальная статистика это подтверждала.

Капитан Поль Лакруа вышел из машины вместе с Луизой, женщиной-жандармом, которая была моложе его на четверть века. Они огляделись вокруг, заметили бесчисленные трупы пернатых.

– Орнитологи говорят, что колонию скворцов что-то напугало глубокой ночью, – пояснил Поль. – Если верить полученной информации, эти птицы в темноте почти ничего не видят. Сотни тысяч особей в панике снялись со своих ветвей и начали сталкиваться друг с другом в открытом небе, причем на площади в несколько гектаров. По свидетельствам очевидцев, это произошло где-то в десять-двадцать минут третьего.

Они присоединились к аджюдану² Мартини, заместителю командира группы. Тот ждал их, сложив руки на груди и дрожа. С кончика носа у него капала вода. Ветер и ноябрьская сырость хлестали по лицам, пробирались под многослойную одежду. Они пожали друг другу руки, и пятидесятидвухлетний Бенжамен Мартини, со своей растрепанной курчавой шевелюрой отдаленно напоминавший Тома Хэнкса, указал на заросли:

² *Аджюдан* – старший унтер-офицер французской армии. Третье унтер-офицерское звание в сухопутных войсках, ВВС и жандармерии между старшим сержантом, или квартирмейстером, и старшим аджюданом, аналог российского прапорщика.

– Тело нашли там. Идите за мной.

У него был глухой голос и кожа воскового оттенка, как и у большинства жителей долины. Трое жандармов обогнули насыпи и двинулись между деревьями в медленном темпе, приноравливаясь к капитану, который сильно хромал на правую ногу. Тот достал бумажный носовой платок и протянул Луизе:

– У тебя на левом локте помет скворца.

– Быть не может... Вот гадость!

Он смотрел, как она с отвращением оттирает белое пятно.

– Ты уверена, что все будет нормально? Я могу избавить тебя от остального, понимаешь?

Луиза свернула платок в комочек и засунула в карман парки.

– Зато потом будет считаться, что я прошла боевое крещение.

Молодая женщина обогнала его солдатским шагом. Походкой, выправкой и гордо вздернутым подбородком она продемонстрировала свою решимость. Поль воспользовался тем, что оказался в одиночестве, чтобы помассировать правое колено, прежде чем пойти дальше. Суставы болели до чертиков, стоило воздуху насытиться влагой. То есть почти все время.

Мартини протянул им латексные перчатки.

– Некая байдарочница по имени Изабель Давини заметила тело в девять пятьдесят. Она с Альбиона. Спускалась по

течению Арва, фотографируя мертвых птиц на берегах. Когда увидела труп, тут же связалась с бригадой. Мы с Брюне и Тардьё приехали в десять двадцать и сразу позвонили тебе.

Чуть ниже по течению Поль заметил байдарку, вытасненную на берег:

– И где эта Изабель Давини?

– Ее начало тошнить еще на воде, а потом ей стало совсем нехорошо. Тардьё повез ее в бригаду.

Пройдя по усыпанной еловыми иголками земле, они зашагали по гальке и камням левого берега Арва. Повсюду валялись мертвые скворцы, и Полю показалось, что он попал в постапокалиптический фильм. Он поднял глаза. В трехстах метрах над ними, прямо под тучами, ужасающие геометрические фигуры заполняли небо. Как если бы невидимый рот дул на гигантские горсти черного песка, взвивая его вихрями. Несмотря на ночное смертоубийство, при свете дня скворцы продолжили свой невероятный балет.

Поль вглядывался в детали окружающего пространства. В этом месте ледяной голубизны река разливалась широко и бурно. Стремнины привлекали многих байдарочников. Пешком на берег можно было без труда выйти либо через завод, либо по дороге, которая несколько километров тянулась вдоль потока. Они продвигались в сторону Брюне. Жандарм фотографировал местность на свой мобильник и тщательно избегал приближаться к трупу.

11:19. Смартфон Поля зазвонил. Неизвестный номер. Он

быстро отключил неуместную мелодию «I Will Survive»³, не ответив на звонок, и оставил между собой и трупом лишь предписанный правилами шаг. Луиза держалась на расстоянии.

Капитан присел на корточки. Начинался один из тех дней, о которых в Сагасе будут еще долго говорить. Ливень из скворцов... Жестокое преступление, оставившее наполовину раздетую жертву на берегу реки... Будет чем поживиться толстяку Шамарлену, местному журналисту, который наверняка скоро объявится со своим блокнотом. В маленьких городах новости распространяются мгновенно.

Поль осмотрел труп, стараясь сохранять хладнокровие. Вместе с Мартини они разбирали уже множество дел о самоубийствах, неясных смертях, но редко явно уголовных. Он заставил себя дышать ровнее, включил в телефоне диктофон и приступил к фиксации предварительных результатов осмотра. Позже в присутствии криминалистов он повторит свои выводы еще раз, но ему казался важным этот первый, по горячим следам, контакт с жертвой.

– Время осмотра: одиннадцать часов двадцать две минуты, шестое ноября две тысячи двадцатого года. Тело женщины белой расы неопределенного возраста, но, я бы сказал, ей между тридцатью и сорока годами, среднего телосложения, обнаружено Изабель Давини с плато Альбион во время байдарочного спуска по реке. Метеоусловия: повышенная влаж-

³ «Я выживу» (англ.). – Начало самой знаменитой песни Глории Гейнор.

ность, утром шел мелкий дождь. Жертва находится в лежащем положении, на спине, на левом берегу Арва, вдоль северо-южной оси, на уровне... очистной станции и стремнин, в двух километрах к югу от города.

Он еще ниже склонился над телом:

– Левая рука в плече вывернута и образует угол в девяносто градусов по отношению к телу. Скворец частично лежит на правом бедре жертвы, в крови от удара при падении. Возможно, жертва погибла до дождя из птиц этой ночью...

Он отступил на шаг:

– На пальцах левой руки в районе ногтей следы крови. Волосы темно-русого цвета, длиной около тридцати сантиметров. Кровоподтеки не позволяют различить черты лица. На первый взгляд правая надбровная дуга рассечена, скулы, возможно, сломаны, что вызвало вздутие. Нос вдавлен... Учитывая повреждения, по лицу, скорее всего, был нанесен удар одним из крупных булыжников или камней, которые во множестве лежат вокруг. Во рту погибшей кляп из черной ткани. Похоже на носки, что отчасти подтверждается тем фактом, что жертва босая.

Капитан бросил взгляд на Луизу. Взмахом ресниц та дала понять, что с ней все в порядке. С блокнотом в руке девушка вела подробную запись. Поль продолжил:

– В непосредственной близости от тела отсутствуют следы обуви. На своде стопы многочисленные порезы. Правая стопа образует с ногой такой угол, что наводит на предположе-

ние о переломе лодыжки. Джинсы и трусики жертвы спущены до колен. Кровоподтеки в верхней части бедер с внутренней стороны и, хм, возможное вагинальное кровотечение...

Он нажал на кнопку, поставив диктофон на паузу. Эта женщина наверняка была изнасилована, а потом убита. Он постарался отвлечься от мрачных мыслей и, сделав глубокий вдох, снова включил запись:

– На жертве осталась ее парка, молния застегнута до шеи. На куртке как минимум два отверстия в области груди, характерные для применения огнестрельного оружия. Ожидаем криминалистов и ребят из похоронного бюро, чтобы раздеть тело на месте и сделать его описание перед отправкой в морг.

Он остановил запись и на мгновение застыл лицом к лицу с несчастной. Ее бросили здесь, у воды, как обычный мусор. Какое животное могло так ее изувечить и убить с такой жестокостью? Он выпрямился с гримасой боли, тяжело опираясь на бедра. Пятьдесят два года, а полное ощущение, что его замуровали в теле старика. Он повернулся к Мартини, говорившему по мобильнику, потом – к Луизе:

– А вдруг именно выстрелы переположили колонию среди ночи? Стрельба вгоняет пернатых в панику, они снимаются с деревьев. Сталкиваются друг с другом, и один из них падает на еще теплый труп.

Луиза не ответила. Ее ставшие похожими на два шарика глаза не отрывались от собственной авторучки.

– Я говорил под запись, – вздохнул Поль. – Твои заметки никому не нужны.

Девушка наконец убрала блокнот с ручкой в карман и снова сосредоточилась на трупе.

– Да, очень может быть, – ответила она. – И это позволит нам с большой точностью определить время преступления.

– Два часа ночи плюс-минус несколько минут. Посмотрим, что скажет патологоанатом, но гипотеза кажется мне хорошей. Согласна?

– Ей запихали носки в горло, чтобы помешать кричать. Без сомнения, ее изнасиловали, а затем убили здесь, на месте.

– Почему ты так думаешь?

– Спущенные брюки. И потом, это идеальное место, если не хочешь, чтобы тебя увидели. Конечно, наверху проходит дорога, но после захода солнца оттуда ничего нельзя разглядеть. Никакого освещения, никакого жилья поблизости. Шум воды заглушает полузадушенные кляпом крики. В любом случае она могла орать сколько угодно, в два ночи здесь никого не бывает.

– А босые ноги? Как ты это объяснишь?

– Представления не имею. Судя по состоянию свода стопы, девушка шла без обуви или даже бежала. Может, ее держали в багажнике машины или в автофургоне для кемпинга, а ей удалось выбраться. Она поранила ноги, но продолжала идти. Хотела броситься в Арв, чтобы скрыться от на-

падавшего?.. Иначе я не понимаю, куда она направлялась. Она подвернула щиколотку, и, судя по всему, очень сильно. Сразу же упала, прямо здесь. И... произошло все остальное. Этот дикий зверь овладел ею.

Сценарий получался правдоподобный. Но как жертва сюда попала? Откуда пришла? Из машины, как предположила Луиза?

– Вот что странно, не считая птиц, – эти носки во рту, – добавила молодая женщина.

– Хм?

– Если она бежала босиком, значит носки уже были у ее преследователя. Это не очень логично – таскать с собой носки жертвы. Ну, мне так кажется.

– Знаешь, логика при совершении преступлений... Это только в телевизоре. И потом, она ведь могла убежать в носках, разве нет? Конечно, защита для ног слабенькая... Как и твои выводы, что сексуальное нападение произошло именно здесь, – может, он изнасиловал ее в другом месте, а затем перетащил тело сюда и стянул с нее брюки. Другой вариант: он изнасиловал ее, когда она уже была мертва.

– Ты ужасен.

– Ну да, это я ужасен. Никогда не стоит делать скороспелых выводов. Вот почему в описании осмотра я придерживался только фактов.

– Спасибо за урок, капитан, – сухо отозвалась она.

Поль повернулся к своей команде:

– Я предупрежу заместителя прокурора. Мы начинаем работать по делу, так что ближайшие часы и дни, скорее всего, будут крайне напряженными. Это означает: никаких выходных и никто не исчезает в середине дня, чтобы забрать детей из школы. Не хочу, чтобы к нам подключили жандармов из Сагаса и чтобы они болтались у нас под ногами. Бенжамен, ты доведешь информацию до всеобщего сведения?

Тот молча кивнул. Поль заметил искру возбуждения в глазах Брюне, того, кто фотографировал место преступления. Парень даже улыбнулся.

– Решил, что подвалило хоть какое-то разнообразие, да? – проворчал Поль. – Это мертвая молодая женщина, черт, а не шлюха для развлечения. Вбей себе это в башку и прекрати скалиться.

Брюне покраснел и опустил голову. Он был одним из младших чинов автономной территориальной бригады Сагаса, состоящей из тридцати четырех жандармов – трое из которых криминалисты отдела судебно-медицинской экспертизы – и отвечающей за двадцать с лишним тысяч гектаров, распределенных между восемью коммунами. Из-за обилия в секторе вершин высотой более восьмисот метров она носила название «горной бригады» и к тому же была правомочна выполнять функции судебной полиции⁴. Теперь начнется кропотливая работа над расследованием под руководством

⁴ Судебная полиция во Франции выполняет задачу раскрытия правонарушений и задержания виновных.

Поля. И Брюне это совсем не радовало.

– Пока ждем криминалистов, осмотрим окрестности. Очень бы хотелось найти гильзы и камень, которым пострадавшей раздробили лицо.

Капитан позвонил прокурору, потом прослушал сообщение, пришедшее несколькими минутами раньше на его мобильник: «Алло, Поль, это я. Ты не поверишь: я задремал в гостинице „У скалы“, а ночью пошел дождь из мертвых птиц. Сотни птиц падали с неба, как градины! Короче, буду в бригаде через полчаса. То есть если найду свои вещи... Потом все объясню. Чао-чао».

Сначала Поль решил, что это какая-то ошибка, пока не услышал последние слова. Прослушал сообщение еще раз. Голос, интонации... Это «чао-чао». Единственный человек приветствовал его подобным образом – Габриэль Москато. Но это было двенадцать лет назад...

Он побледнел и нажал отбой. Это сообщение в одно мгновение пробудило худшие воспоминания его жизни. Он вернулся к руслу реки той походкой, которая делала его похожим на инвалида войны.

– Ну и физиономия у тебя сделалась, пока ты слушал телефон, – заметила Луиза. – Что случилось?

Сейчас Поль смотрел другими глазами на разбитое лицо, светлые волосы, разметавшиеся по гальке, изувеченное тело... А вдруг?..

Может ли быть, что это она? Жюли Москато? Он потряс

головой и глянул на Луизу:

– Призрак... Мне позвонил призрак.

5

Как ни рылся Москато в памяти, ничего не всплывало... Ничего после 10 апреля 2008 года. Но разве мог он забыть хоть один день рождения, хоть одно Рождество без дочери? Почему Жюли до сих пор не нашли? Что дало расследование? А он, что он делал все эти годы?

Он пролистал газету в холле гостиницы, проглатывая каждую статью. Совершенно оглушенный. Чужак на собственной планете. В его представлении Обама был на верном пути к успеху, в ушах еще звучала его речь, переданная по всем мировым телеканалам, его «Yes, we can»⁵. Тогда кто этот щекастый толстяк в ярко-красном галстуке, с соломенного цвета волосами? Почему объявляют о пятой годовщине терактов, состоявшихся в 2015-м в Париже? Что такое «Uber» и «Deliveroo»?⁶ В газете описывался мир, который не был его

⁵ «Да, мы можем» (*англ.*) – предвыборная речь Барака Обамы, а также лозунг всей его предвыборной кампании 2007–2008 годов, который стал основой сингла американского рэпера will.i.am, написанного в поддержку будущего 44-го президента США.

⁶ «Deliveroo» (*англ.*) – онлайн-компания по доставке продуктов питания, базирующаяся в Лондоне. Работает в двухстах местах по всей Великобритании, Нидерландам, Франции, Бельгии, Ирландии, Испании, Италии, Австралии, Новой Зеландии, Сингапuru, Гонконгу, Объединенным Арабским Эмиратам и Кувейту.

миром. Все эти загадочные технологии, непонятные слова, портреты неизвестных знаменитостей...

Габриэль снова и снова повторял дату выхода газеты. 6 ноября 2020 года. Невозможно вообразить. *Вы отец малышки, которую так и не нашли?* Ложь. Жюли исчезла всего месяц назад. Подключены все силы жандармерии. Ее вернут в Сагас, и все снова будет в порядке.

10 апреля 2008-го, 10 апреля 2008-го, 10 апреля 2008-го...

Может, он сошел с ума. Весь это маскарад – лишь видение его разума или же кошмарный сон, но такой подробный, что, даже все понимая, он не может из него вырваться. Его мозг перегорел.

Он покинул гостиницу, неотрывно глядя на комки перьев, тут и там прилипшие к асфальту. Без документов и воспоминаний, в одежде какого-то Уолтера Гаффина. Габриэль прокручивал в голове все самые пакостные варианты – от амнезии до, еще того хуже, Альцгеймера. Он представлял, как сбежал из больницы с кашей в мозгах вместо нормальной памяти, укрылся в этой занюханной гостинице, пока все его разыскивали. Он должен обязательно вернуться к себе. Распросить жену. Понять, что с ним случилось.

Габриэль порылся в кармане и нажал на кнопку брелока сигнализации, на цепочке которого висели ключи. Замигали фары, раздалось пиликанье и щелчок замка дверцы. Ему была знакома эта модель «мерседеса» выпуска на-

чала двухтысячных – ее чаще всего угоняли, – но большая часть машин вокруг была ему совершенно неизвестна. Никаких «ситроенов-саксо», ни «Пежо-206», ни «фольксвагенов-гольф». Только странные тачки ярких расцветок с формами из лего и с необычными обозначениями на номерах.

Сдержав отвращение, Габриэль взял за хвосты двух пернатых, упавших ему на капот, и положил их на землю. На железе капота остались вмятины там, где упали птицы. Он осмотрел багажник «мерседеса»: пустой. Устроился за рулем, посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Снова испытал шок. Морщины, серебристая щетина на щеках... Он разом постарел. *Двенадцать лет*. Будто совершил путешествие во времени, как Марти Макфлай из «Назад в будущее».

В салоне машины он попытался зацепиться за какое-нибудь воспоминание, оглядел сиденья, надеясь на ощущение дежавю. Ничего. Снял шнурок с шеи, посмотрел на ключ. Что он открывал? Входную дверь? Ячейку?

В бардачке фонарик, лампочки и пачка сигарет. Он вытащил одну, понюхал, рефлекторно поднес к губам. Выплюнул, сморщившись, но табак оставил знакомый вкус на языке: он курил. Как давно?

Габриэль тронулся с места и покатил к выезду из паркинга – объезжать трупки птиц не удавалось: под колесами то и дело похрустывало, – потом вырулил на дорогу, ведущую в узкую долину, прямо на юг. Оглядел черные горы с обры-

вистыми склонами, затянутыми тучами. Ничего не изменилось, скалы и леса совпадали с теми, что хранились в его памяти. Ему были знакомы эти запахи хвои, землистой влажной почвы; он почувствовал себя лучше.

Проехав километр, он увидел невероятный танец птиц в небе. Так вот она, пресловутая колония скворцов. *Семьсот тысяч особей.* То есть теперь уже немного меньше. Следя за фигурами, которые образовывали пернатые в воздухе, то компактные, то расширяющиеся, Габриэль подумал, что движения птиц напоминают пульсацию сердца.

И тут он попал в медленно движущуюся пробку. Машины выстроились цепочкой длиной метров в тридцать. Габриэль понял причину: там внизу, на берегу Арва, суетилась группа людей в форме. Жандармы. Со своего места он не мог никого узнать. Коллеги натянули белый тент, чтобы что-то спрятать от глаз любопытствующих. Учитывая, какие средства были пущены в ход, речь наверняка шла о теле.

Труп здесь, в Сагасе.

Габриэль стиснул ладонями руль. Он тут же представил себе Жюли лежащей на темно-серой гальке с белым раздутым лицом, как у утопленников. Ее наконец-то нашли. Мертвую. Его дочь. Он посигналил, рискованным маневром объехал несколько машин и тут же поспешно сдал назад, задев заградительный рельс. Но ему необходимо было все выяснить.

Дорога вывела на крутой склон. Вдали, словно врезанный в скалистое гнездо, черной тенью проступил Сагас. За-

бетонированный административный городок, лохань, загаженная отравленным воздухом из-за постоянного движения грузовиков по трассе А40. Жители соседних деревень – как и заключенные под конвоем жандармов – появлялись там, только чтобы отработать положенные часы или обратиться за врачебной помощью. Последний оплот цивилизации перед Лионом: больница вкупе с исправительным центром были главными работодателями в долине.

Он свернул на первый же съезд с кольцевой развязки, украшенной фигурой деревянного медведя – ни одного медведя в районе замечено не было, Габриэль знал точно, – двинулся по виадуку из тесаного камня и направился в обратную сторону к заводу по переработке отходов, но уже по другому берегу Арва, по коммунальной дороге. Мертвых птиц здесь насчитывалось еще больше, в то время как живые сотнями тысяч кувыркались в воздухе над его головой в хоре таких пронзительных криков, что казалось, будто осколки стекла трутся друг о друга.

Изо всех сил он громко взмолился о том, чтобы река не срыгнула тело его дочери.

6

Как минимум четыре машины жандармерии стояли у завода, не считая аккуратного грузовичка криминалистов. Габриэль въехал в открытые ворота и припарковался рядом.

Огромными прыжками, с выскакивающим из груди сердцем побежал мимо разноцветных навалов. Почти сразу началась одышка, в горле засвистело, и пришлось притормозить. 2020-й... Ему стукнуло пятьдесят пять. *Твою мать!*

Пухленькая коротконогая женщина появилась из-за деревьев и воинственным шагом направилась к нему:

– Мсье, национальная жандармерия. Сожалею, но сюда доступ закрыт. Вы находитесь на...

Она не закончила фразу, наклонила голову и поняла смысл слова «призрак», произнесенного чуть раньше ее непосредственным начальником.

– Габриэль?

– Ты, случайно, не... Луиза? Луиза Лакруа?

Перед ним стояла уже не семнадцатилетняя лицеистка, растрепанная бунтарка с избытком косметики на лице, а женщина с длинной косой, округлыми щеками, в жандармской форме и брюках, заправленных в начищенные грубые армейские ботинки. Луиза – жандарм? Габриэль поверить не мог. Поначалу она растерялась не меньше его, но быстро взяла себя в руки:

– Что ты здесь делаешь?

Вопрос прозвучал довольно резко. Габриэль не знал, что сказать. Две Луизы накладывались друг на друга у него в голове. Он вытянул шею. Синие жандармские парки мелькали между стволами деревьев.

– Я заметил с трассы людей в форме. Что происходит?

Луиза сунула руки в карманы и зарылась подбородком в ворот куртки.

– Я не имею права говорить.

– Не имеешь права говорить? Ты шутишь?

– Ты выбрал не лучший момент, если решил повидать отца. Поверь мне на слово, он не в том настроении. Птицы, тепло, а еще журналист, который назойливо лезет куда не надо. Я не могу пропустить тебя. Приходи попозже в бригаду.

– Не играй у меня на нервах, Луиза. Это Жюли там? Это она?

Луиза не ответила, и Габриэль решил двинуться дальше. Отстранил женщину резким жестом, когда та попыталась преградить ему дорогу. За полосой елей открылся обзор: покрытые галькой берега, черные и красные пятна разбившихся птиц, бурное русло реки, едва виднеющийся в серой дымке виадук и колония скворцов над ним. Справа у натянутого тента суетилась группа людей. С того места, где он стоял, можно было разглядеть лежащее на земле тело. Люди в костюмах белого кролика⁷ снимали с него одежду и загружали что-то в прозрачные пакеты. Когда Габриэль различил режущую глаз белизну женской груди, его затошнило.

Луиза повысила голос, от группы отделился внушительный силуэт Поля Лакруа и поспешил на подмогу. Настолько же высокий, насколько его дочь была низкорослой. Еще не

⁷ Французские судмедэксперты при работе на месте преступления носят белые комбинезоны.

увидев его лица, Габриэль обратил внимание на походку: тот двигался, как клоун. Каждая новая картина действовала как удар кулаком в лицо. Его давний коллега, сорокалетний поджарый мужчина с профилем, вырубленным из крепчайшего камня, теперь передвигался с грацией бульдозера, завязшего в тине. Его когда-то черные, а теперь поседевшие и поредевшие кудри едва вились. Весьма подпорченная версия того Поля, с которым он расстался лишь накануне, несмотря на нашивки на мундире, свидетельствовавшие, что он дослужился до капитана. Как можно так перемениться за двенадцать лет?

– Что тебе здесь надо?

Та же враждебность, что у дочери. Габриэль взгляделся в обращенное к нему внезапно замкнувшееся лицо. И остальной молодняк с их злобными взглядами... Кроме аджудана Мартини, он никого не узнавал. А где другие сослуживцы, Солена и остальные?

– Только не говори мне, что это она. Не говори мне, что это моя дочь.

Поль рассматривал его, как будто тоже открывал для себя другого человека. Лучшие друзья, выросшие на одной улице, вместе учившиеся в колледже и лицее, они стали коллегами, больше двадцати лет делили один кабинет на двоих и выпивали в соседнем баре два раза в неделю. И однако, сегодня они встретились как два незнакомца, столкнувшиеся лицом к лицу.

– Пока не известно. Лицо не поддается опознанию, а... тело меняется, за двенадцать-то лет. На данный момент ясно только, что речь идет о женщине около тридцати лет, и ее, по всей видимости, изнасиловали. Больше ничего сказать не могу. Возьму материал для анализа ДНК в морге и сразу же отправлю в нашу лабораторию.

– Я хочу увидеть тело.

– Нет.

– Послушай, Поль, произошло нечто непонятное. Вчера мы с тобой разбирали телефонные счета Жюли, опрашивали людей. Вечером я поехал в гостиницу «У скалы», чтобы посмотреть их журнал регистраций. Господи, скажи же, что ты это помнишь!

– Не слишком отчетливо. И уж точно это было не вчера. И не в прошлом году. И даже не пять лет назад.

– Для меня именно вчера! Этой ночью птицы разбивались у меня на глазах, на паркинге, об машины – чистое безумие. Все повыскакивали из номеров. Потом как черная дыра... А сегодня утром я просыпаюсь лысым и выгляжу пятидесятилетним. Мне заявляют, что сейчас две тысячи двадцатый год. Твоя дочь старше на двенадцать лет, и ты тоже. Я ни черта не понимаю, и, поверь, это дьявольски трудный для меня день. Так что дай мне взглянуть на тело.

Поль сделал знак двум жандармам:

– Ему здесь нечего делать. Проводите его до машины.

Габриэль попытался проложить себе дорогу к телу. Когда

один из коллег хотел схватить его за запястье, он яростно оттолкнул того:

– Не трогайте меня. Я тоже в бригаде. Как и вы, черт!

Подоспели другие, и им удалось совладать с ним. У Габриэля больше не было сил сопротивляться: энергия вытекала из него, как воздух из проколотой шины. Поль встал перед ним, приблизив лицо почти вплотную:

– Не знаю, чего ты нанюхался или напился, но не заставляй меня принимать меры. Тебе здесь больше не рады. Убейся из этого города.

Поль развернулся и пошел обратно к трупам. Габриэля отвели к машине и проследили, чтобы он сел в нее. Ему не дали подойти к месту преступления, его выгнали, его, члена бригады. Габриэль увидел ненависть в глазах Поля, упрек в глазах Луизы.

Что произошло? А главное, когда?

Он направил «мерседес» на мост; руки дрожали, череп разрывался от пульсирующей в висках крови. В небе сжималось и разжималось гигантское черное, как сама тьма, сердце, образованное колонией скворцов. У Габриэля закружилась голова. За кольцевой развязкой он проехал мимо нескольких складских построек, потом еще пару километров. Слово жужжание какого-то насекомого заполнило все вокруг. Он закрыл глаза, снова открыл, резко вывернул руль, увидев несущуюся в лоб машину. Спешно съехал на обочину и распахнул дверцу. Спотыкаясь, прошел метров десять по

траве, держась руками за горло, как будто пытался сдернуть несуществующий шарф.

Остановилась машина, к нему кинулся какой-то человек:

– Вам плохо?

Габриэль вцепился в его руку:

– Больница... Отвезите меня в больницу...

7

Неврология, третий этаж больницы в Сагасе. Только в тот момент, когда его уложили, чтобы сделать МРТ⁸ головы, Габриэль заметил, что на нем больше нет обручального кольца, ободка из белого золота, вросшего в безымянный палец, которое он носил не снимая с двадцати пяти лет. В цилиндре аппарата он запаниковал, и потребовалось несколько попыток, чтобы сделать снимки его мозга. Прошло больше двадцати часов, пока после бесконечной череды обследований его не оставили наконец в покое и не отправили в палату. Принесли еду из каких-то непонятных овощей.

Никто до сих пор к нему не заходил, чтобы хоть что-то объяснить: сначала анализы. Габриэля возили из отделения в отделение. Судя по медицинской карте, он один раз обращался в больницу в Лилле в 2014-м, по поводу грыжи межпозвоночных дисков. В Лилле? Что он делал на севере? Его с

⁸ МРТ – магнитно-резонансная томография.

тамошними местами ничто не связывало, кроме матери. Как ни странно, он потерял память о двенадцати годах, но мог наизусть назвать свой номер социального обеспечения для получения страхового обслуживания. Он числился и в системе Амели⁹, и в обществе взаимного страхования. Значит, Габриэль Москато образца 2020 года все-таки существовал.

Сидя на кровати в отделении краткосрочного пребывания, он рассматривал свое правое предплечье, потрогал пальцем белые отметины. По словам одной из медсестер, это были следы лазерного сведения татуировки. Если внимательно приглядеться, еще можно было различить буквы, образующие слово «Жюли».

Он сначала наколол, а потом стер имя дочери. Габриэль взялся руками за голову. Неведение сводило его с ума.

Набрал номер домашнего телефона матери в отчаянной попытке зацепиться хотя бы за семью. Ему ответил незнакомец, объяснил, что купил дом четыре года назад и, насколько он помнит, бывшая владелица отправилась в монастырский приют, адреса которого он не знает.

Габриэль выронил трубку, как если бы пальцы налились свинцом. Матери сейчас должно быть около восьмидесяти одного года. После смерти его отца она категорически отказалась покидать свой маленький домик, расположенный в окрестностях Дуэ. «Я умру здесь», – всегда твердила она. Почему она передумала? Ослабела? Жива ли она еще? Или

⁹ Амели (*Ameli*) – крупнейшая система онлайн-страхования во Франции.

Габриэль уже пережил ее смерть? Предстоит ли ему пройти через это еще раз?

Он долго сидел не шевелясь. Снова видел мать на Альбионе, в гостевой комнате их с женой дома. Она приехала с севера Франции со своими старыми, перевязанными ремнями чемоданами, чтобы поддержать их после исчезновения Жюли. Это она не дала Коринне окончательно впасть в отчаяние, пока сам он метался по горам и долам в поисках дочери.

Все случилось пятнадцать дней назад... Двенадцать лет назад.

Он дотащился до окна. Снаружи огни Сагаса горели, как усталые звезды. На западе по одной только прямоугольности формы и расположению освещения угадывался исправительный центр со своими сторожевыми вышками, на которых бдели вооруженные тени. Другие светлячки, как затерянные в пространстве кусочки янтаря, усыпали горные склоны.

Одной из этих звездочек в вышине был его дом. Там родилась и выросла Жюли. Там он прожил с Коринной семнадцать... нет, теперь уже двадцать девять лет. Никто не любил долину, но никто и не покидал ее окончательно. Остальной мир был слишком далеко. Здесь старели и умирали, зажатые между серыми обрывами, не умея вырваться из их плена.

Убирайся из этого города, пророкотал Поль. Грубый голос еще звучал в ушах Габриэля.

Зашла медсестра проверить, все ли в порядке. Да, внешне все было в норме. А вот внутри Габриэль чувствовал полное опустошение, словно после урагана. Его неотступно преследовал вид трупа, брошенного на берегу среди мертвых птиц, этой белой груди, возможно груди его дочери. Ему никак не удавалось представить Жюли двадцатидевятилетней женщиной, представить, что последние двенадцать лет она могла прожить без него, без матери. Если на берегу обнаружили ее труп, где же она была все это время? Что ей пришлось перенести? А если – тело незнакомки, то где его дочь?

Габриэль почесал руку в месте отметины от старой татуировки. От Жюли ничего осталось, но она же была там, вытравленная на его коже. Он представил, как заходит к специалисту и просит стереть имя дочери. Татуировки убирают, когда желают отречься, забыть, поставить крест на прошлом.

Когда огонь, заставивший вас вытерпеть боль от иголки с чернилами, потухает...

8

Внешне спокойный, но истомившийся в ожидании, он с облегчением встретил появившегося невролога. Доктор Зулан, длинная жердь лет сорока, в очках с деревянной оправой, примостился на краешке его кровати. Полистал бумаги, висевшие на перекладине, потом поднял глаза на своего пациента:

– Как вы себя чувствуете?

– Старым...

Врач усмехнулся:

– Кардиолог посмотрел результаты. Электрокардиограмма, УЗИ сердца и биологические показатели нормальные, с этой стороны все в порядке. Что касается меня, то я тоже не обнаружил никакой аномалии с неврологической точки зрения. Те симптомы, которые вы описали, поступив в отделение неотложной помощи, заставили меня прежде всего предположить острое нарушение мозгового кровообращения. Другими словами, нечто вроде микроинсульта, произошедшего вследствие внезапного сбоя циркуляции крови в какой-то части мозга. В зависимости от зоны поражения микроинсульт может проявляться в виде паралича какой-либо конечности, нарушения зрения, потери равновесия или же, как в вашем случае, амнезии. Вот почему я направил вас на МРТ. Но снимки тоже ничего не показали, что, конечно, весьма утешительно, поскольку микроинсульт часто предшествует настоящему инсульту. Остаются два варианта...

В руке доктор держал мобильник. Он быстро глянул на экран и вернулся к пациенту:

– Первый – это внезапный провал в памяти, то есть глобальная амнезия, способная стереть месяцы, а то и годы воспоминаний. Такой провал может случиться с кем угодно и в любой момент, причем без всякого научно обоснованного объяснения. Страдают этим в основном мужчины и женщи-

ны старше пятидесяти, так что вы как раз подходите. Обычно потеря памяти длится от четырех до восьми часов. В течение этого периода пациент дезориентирован и с трудом фиксирует новые воспоминания. Он постоянно повторяет одни и те же вопросы: «Кто вы? Где я?..»

– Это не мой случай. Я могу дать вам точный отчет, как проходил весь сегодняшний день с самого утра. Проблема не в том, что было после, а в том, что было до.

– Вот почему я склоняюсь ко второму варианту. К сожалению, он не самый радужный.

– Пожалуйста, доктор...

– Меня удивило ваше невероятное ощущение временной непрерывности. Ваше давнее прошлое вдруг всплыло, как будто оно случилось только вчера. Спросите кого угодно: никто не сможет сказать вам, что он делал пятнадцать дней назад, а теперь представьте себе, что речь идет о двенадцати годах! Однако в обоих случаях большая часть пережитого никуда не делась, она хранится где-то в мозгу. Возможно, иногда неполная или не совсем совпадающая с реальностью, но все ваше прошлое здесь, разрозненное, в спящем режиме и в ожидании, пока его оживят. Вот только мы не знаем, как именно отыскать эти воспоминания, или же у нас нет в них потребности, потому что эти воспоминания бесполезны и не представляют интереса...

Зулан заметил, что Габриэль поглядывает на его телефон – последний писк моды, – и убрал аппарат в карман.

– В вашем случае этот механизм пришел в действие, чтобы установить мост между вашей жизнью в апреле две тысячи восьмого и сегодняшним днем, целиком вытеснив как личные, так и знаковые события, имевшие место в последние двенадцать лет.

– Знаковые?

– Я имею в виду запоминание информации, поступающей из внешнего мира. Вы помните Саркози, но не Макрона. Про Чернобыль вы в курсе, но не знаете, что ядерная катастрофа произошла и в Японии¹⁰. Вы также не помните, что Майкл Джексон и Уитни Хьюстон умерли.

Каждое слово невролога воспринималось как удар. Габриэль замер, не в силах заглянуть в глубину бездны.

– Другими словами, вы оказались заблокированы в том гостиничном номере, где заснули девятого или десятого апреля две тысячи восьмого. Вы стали пленником прошлого.

– Как такое возможно? И почему это со мной случилось?

– Все наводит на мысль, что, говоря на профессиональном жаргоне, вы стали жертвой атипичной психогенной амнезии. Она встречается крайне редко, не чаще, чем дождь из мертвых скворцов, но все же встречается. Как и большинство других амнезий, она не затрагивает процедурную память, то есть механистическую: если, например, за двена-

¹⁰ Имеется в виду авария на АЭС Фукусима-1, происшедшая 11 марта 2011 года в результате сильнейшего в истории Японии землетрясения и последовавшего за ним цунами.

дцать последних лет вы научились ездить на велосипеде или плавать, то вы это не забудете. Я лично ни разу не сталкивался с этим видом поразительной амнезии, но случаи, подобные вашему, известны.

Он достал из кармана сложенные листки и протянул Габриэлю:

– Я распечатал несколько статей, найденных в Сети.

– В какой еще сети?

– Извините, в Интернете. Верно, в две тысячи восьмом Интернет еще не стал до такой степени центром мира. Сегодня все идет через него, все объединено в единую Сеть. Телефоны, компьютеры, телевизоры. На улице вам может показаться, что люди говорят сами с собой, но они просто носят наушники, подсоединенные к их мобильникам. Можно сказать, что почти вся наша вселенная сводится к четырем буквам: GAFA. «Google», «Apple», «Facebook» и «Amazon».

...«Facebook», «Amazon»... Для Габриэля это были пустые звуки. Он мельком глянул на листки.

Невролог продолжил свои объяснения:

– В две тысячи пятнадцатом Наоми Джейкобс, тридцатидвухлетняя американка, проснулась однажды утром с личностью пятнадцатилетней девочки-подростка. Она забыла семнадцать лет своей жизни.

– Семнадцать лет...

– По ее представлениям, она все еще ходила в лицей, жила с родителями... В исследовании, опубликованном в две ты-

сячи семнадцатом году, говорится о пятидесяти трех случаях, изученных в больнице Святого Томаса в Лондоне. Люди, которые, как и вы, утратили целый пласт своей жизни. И всегда без каких-либо на то медицинских оснований, исключительно по причинам психологического порядка: амнезия стала для всех этих людей средством избежать невыносимой реальности, травматизма. Должно было случиться нечто крайне тяжелое, заставившее ваш разум в какой-то конкретный момент запечатать все двери, чтобы защитить себя. – Зулан снял очки и протер стекла замшевой тряпочкой. Габриэлю он напомнил доктора Грина из сериала «Скорая помощь», ни одного эпизода которого он не пропускал. – Медсестры рассказали мне про вашу дочь. Я тогда заканчивал учебу в Лионе, но вокруг этого дела было чертовски много шума в прессе. Жюли Москато, девочка, пропавшая в Сагасе... Сожалею, что приходится об этом говорить, но мне кажется, тут может быть связь. Ваша амнезия, возможно, имеет отношение к той трагедии, которая в свое время, разумеется, потрясла вас. Хотя это всего лишь одна из гипотез.

Несмотря на кошмарную бездну, которая, казалось, вот-вот развернется у его ног, Габриэлю померещился свет впереди: его не поразила нейродегенеративная болезнь¹¹ и он не сошел с ума. У его недуга имелось название.

– Когда ко мне вернется память?

¹¹ *Нейродегенеративная болезнь* – болезнь, поражающая центральную нервную систему, при которой идет медленная гибель клеток нервной системы.

– Тут нет каких-либо правил, и я предпочитаю говорить с вами откровенно: это состояние может продлиться как недели, так и годы. В некоторых из описанных случаев воспоминания к пациентам так и не вернулись. Все очень зависит от индивидуальных особенностей, от контекста, от глубины травмы. Но имейте в виду, что гипноз применительно к амнезии признали неэффективным, а ее медикаментозного лечения пока не существует. Некоторые рекомендуют сеансы психотерапии. Лично я особого толка в них не вижу.

– Умеете вы утешить...

– Самое главное – ваши связи с окружающим. Ваши близкие и друзья являются гарантами вашей памяти. Поговорите с ними, послушайте их. Ответы, которые они дадут на ваши вопросы, смогут оживить ваши воспоминания и помогут вам продвинуться на пути излечения. Вы сумели кого-либо предупредить?

– Нет еще. Моя мать больше не живет там, где должна бы, до жены не могу дозвониться. Мой коллега был совсем не рад меня видеть... Это самое малое, что можно сказать. Все закрутилось так быстро...

– Во всяком случае, у меня нет причин держать вас в отделении экстренной медицинской помощи, так что завтра утром вас выпишут. Зато я посоветую вам воздержаться от работы. Судя по тому, что вы рассказали нашим сотрудникам, вы жандарм, а вам лучше бы отдохнуть недельку и избежать дополнительных стрессов. Вам есть куда пойти после

выписки?

Глядя в пустоту, Габриэль потрогал свой безымянный палец на левой руке:

– Да, домой... Я живу в Сагасе.

– Вы живете в Сагасе, а ночь провели в гостинице?

– Я...

Габриэль намеревался было сказать, что просматривал журнал регистраций, но осекся. Невролог прав: зачем он вернулся в гостиницу «У скалы», когда прошло больше двенадцати лет после исчезновения Жюли? Зачем решил остановиться в этом паршивом заведении? Что за трагедия там произошла? Отчего он проснулся, вычеркнув целый кусок своей жизни? О какой травме могла идти речь?

Он встал с кровати и направился к своей одежде, сложенной на стуле:

– Я не останусь здесь и не буду спокойно дожидаться, пока рассветет. Я возвращаюсь к себе.

Зулан тоже поднялся:

– Я понимаю, что вы чувствуете, но искренне не советую вам сейчас уходить. У вас был крайне тяжелый день, и мы взяли у вас немало крови для анализов. Лучше бы вам спокойно провести ночь под наблюдением, а потом...

Габриэль повернулся к нему со свитером в руке:

– Вы не понимаете, доктор. Я заперт в теле, отличном от того, которое мне знакомо. Двенадцать лет моей жизни испарились. Мне говорят, что мою дочь так и не нашли, а я

один из жандармов, кому было поручено расследование. Я сдохну, если останусь еще хоть на час в этой палате. Мне нужны ответы.

9

Невидимый в подвале западного крыла, расположенного напротив отделения экстренной медицинской помощи, Институт судебно-медицинской экспертизы занимал помещение бывшего морга, который обосновался там еще с 1929 года, когда была построена больница. Танатологическое отделение проводило вскрытия, обследования живых – а именно жертв физического насилия или несчастных случаев – и выдачу тел по любым запросам в рамках юрисдикции бригады жандармерии. Два работавших там медика также предоставляли результаты судебно-медицинской экспертизы для заключений о смерти в случаях, когда та казалась криминальной или носила сомнительный характер, а значит, требовалась специальная юридическая процедура для открытия уголовного дела.

С Полем шел Давид Эскиме, дружок Луизы. Тридцатипятилетний сотрудник морга вместе с помощником забрали тело с берега. Эскиме руководил одним из двух похоронных бюро в Сагасе и постоянно взаимодействовал с жандармерией. Его отец готовил к похоронам жену Поля, когда ту восемнадцать лет назад унес рассеянный склероз. Он толкнул

тяжелую металлическую дверь:

– Кошмар, что случилось с этой женщиной. Всегда кажется, что такое происходит только где-то в других местах. Психи есть повсюду.

Полю шагал молча. После полудня он не сказал ни слова, только раздавал необходимые распоряжения. Появление Габриэля Москато на месте преступления и его странное поведение занимало все мысли капитана. Увидеть Габриэля таким, лысым, осунувшимся, растерянным, да еще в день, когда шел град из мертвых птиц, а мерзкое преступление поразило Сагас в самое сердце, – все это выбивало Поля Лакруа из колеи.

Вдоль бетонного коридора тянулись трубы, кабели, технические кожухи. Лампочки в проволочных сетках разгоняли темноту, высвечивая старые тележки и кресла-каталки, которые так и не были отправлены на свалку. Сказывалась нехватка персонала и бюджета. Еле-еле умудрялись помогать живым, а уж до мертвых руки вовсе не доходили.

Они проследовали в комнату для вскрытий. Настоящий холодильник. Полю застегнул доверху молнию на парке. Отремонтировали только пол, уложив его новенькой виниловой плиткой. Хирургическая лампа оставалась еще с 1980 года, прочие детали интерьера и утвари сохранялись здесь и того дольше – облицовка стен пожелтела, одна из двух раковин треснула, извлеченные органы взвешивались на допотопных весах со стрелкой. Темное отверстие на потолке предназна-

чалось для вентиляции, однако миазмы трупов давили с тяжестью наковальни.

Луиза была уже на месте, она взяла на себя обязанность фотографировать тело и следить за правильностью изъятия образцов. Она бросила быстрый взгляд на отца, потом – на мужчину, с которым встречалась уже больше трех лет.

Альфред Андриё, судмедэксперт, рассматривал на просвет рентгеновские снимки под хирургической лампой. В свои семьдесят лет этот пожилой человек, казалось, женился на своей работе и наотрез отказывался выходить на пенсию. Кстати, никто ему уходить и не предлагал. Кто согласился бы сменить его на посту в такой дыре? Он часто говаривал: «Однажды мне придется делать вскрытие самому себе».

Давид Эскиме пошел подготовить инструменты на рабочем столике рядом с раковиной. Из-за нехватки персонала он часто ассистировал Андриё, и, по правде говоря, последний обращал все меньше внимания на правила. В маленьких городках обходились подручными средствами и по большей части легко пренебрегали некоторыми особо стесняющими протоколами.

Поль постарался привлечь внимание дочери. Ему хотелось выяснить, узнала ли она Габриэля Москато. Та пожала плечами. Капитан подошел к обнаженному трупу, лежавшему на спине на стальном столе с вытянутыми вдоль тела руками и расставленными ногами. Андриё выбрил покойнице голову, сделав ее еще более безликой. Он постарался убрать

кровь с ее разбитого лица. Жандарм посмотрел на уши без сережек, взгляделся в один широко раскрытый глаз помутневшего синего цвета, затянутый дымкой и вылезший из орбиты, потом его взгляд спустился к животу, пробитому двумя дырочками размером не больше мелкой монеты.

– Когда в нашем округе было последнее действительно кровавое убийство? – спросил Андриё. – Помнишь ту историю с типом, который застал свою жену в койке с ее деверем и зарезал обоих осколком бутылки из-под пастиса, это когда было?

– Да уже года два назад, – отозвался Поль. – А может, три. Андриё покачал головой:

– Точно... Как время летит. Ладно, что касается нашего дела... мы с твоей дочерью взяли двадцать четыре пробы с зон возможного контакта с преступником, а именно с внешней и внутренней поверхности ладоней, под ногтями левой руки – она, вероятно, поцарапала нападавшего, – с горла, на котором остались следы удушения, из оральной, анальной и вагинальной области. Взяты образцы сетчатки, ногтей и пряди волос для токсикологического анализа. Сделан тампонаж зон проникновения пуль.

– Трусики и носки изо рта жертвы также упакованы и опечатаны для отправки на экспертизу, – уточнила Луиза.

– И на этих носках практически не было слюны, – добавил медэксперт. – А ведь ткань во рту должна была вызвать обильное слюнотечение.

Поль снова оглядел жертву, отметил родинку на левой груди и еще одну рядом с пупком. Слишком маленькие, чтобы включать в описание. Он вспомнил, что в досье Москато родители не отметили никаких отличительных особенностей на теле их дочери. Ни родимых пятен, ни шрамов, ни татуировок... У Жюли не было хирургических операций, она всего раз побывала в больнице после падения с велосипеда. Он посмотрел на Луизу:

– Родинки... Ты их сфотографировала?

Она кивнула.

Медэксперт указал на две татуировки на левой руке трупа. Цветная кукла-матрешка и черно-красное изображение дьявола с козлиными рогами, клыками и раздвоенным языком. Старик подозвал Эскиме и с его помощью перевернул тело. Вся спину мертвой девушки занимал ковбой с острыми чертами лица, длинными волнистыми волосами, в стетсоновской шляпе¹² на голове. В обеих руках он сжимал по пистолету, направляя один из них на зрителя. Луиза сделала снимки. Перевернув тело обратно на спину, Андриё раздвинул челюсти жертвы и оттянул разбитую нижнюю губу:

– Корни некоторых оставшихся целыми после удара зубов обнажены, и я заметил признаки так называемого кариеса Левенталья. Я видел такое у героинщиков. Эта женщина наркоманка, но, на мой взгляд, она некоторое время назад бро-

¹² *Стетсоновская шляпа* – классическая ковбойская шляпа, придуманная Джоном Стетсоном в 60-х годах XIX века.

сила, может, даже уже несколько лет.

– Почему ты так решил?

– Осмотр не выявил никаких следов от уколов. Вены у героинщиков сожженные и выступающие. Я отметил цианозные вены, но ничего недавнего. Токсикологический анализ волос позволит сказать точнее, если только не окажется, что она бросила еще раньше, чем я предположил.

Он слегка отстранился, халат натянулся на очень сутулой спине. Руки у него мелко подрагивали. *Счастье, что его пациенты мертвы*, подумал Поль.

– Мы проанализировали и сфотографировали места входа пуль. Оба ранения проникающие, но не перфорирующие. Выстрелы произведены в упор, одежда поглотила основную часть пороха и отработанных газов. Странгуляционный след, царапины и раны на ладонях, а также явные повреждения в области гениталий, судя по обильному кровотечению, предшествовали смерти. Многочисленные же переломы лицевых костей, выявленные на рентгенограммах, нанесены *post mortem*¹³.

– Он насилует ее, убивает, увечит до неузнаваемости... Он не хочет, чтобы ее опознали.

– Или же он в дикой ярости. По всем признакам, в том числе по отсутствию трупного окоченения, я определяю время смерти этой ночью, между полуночью и четырьмя часами.

– Мы думаем, что она была убита как раз посередине, око-

¹³ После смерти (*лат.*).

ло двух часов, – уточнил Поль. – По нашему мнению, именно выстрелы заставили взлететь скворцов, и те потом начали сталкиваться друг с другом. Кстати, один из них в падении ударил нашу жертву в бедро.

Медэксперт поддержал гипотезу:

– Все совпадает. К тому же тело не перемещали: синюшность в области затылка, боков и задней части ягодиц соответствует той позиции, в которой жертва была обнаружена. Короче, я отражу все это в отчете. Перейдем к более серьезным вещам.

Сам он был без маски, но сделал знак Луизе, чтобы та надела свою:

– Вонять будет, как в холодильнике, который ты оставила выключенным на многие месяцы. Дыши ртом, это поможет продержаться.

С помощью Давида Эскиме он приступил к внутреннему осмотру.

Поль натянул маску до своих черных глаз и посмотрел на дочь с чувством некоторой неловкости. Он видел, что она держится стойко, столкнувшись с чем-то неопишным. Луиза сама захотела присутствовать при обследовании, хотя этим мог бы заняться Мартини или Брюне. Зачем принуждать себя видеть такое? Вся ситуация казалась жандарму до крайности нелепой: отец, дочь и ее парень собрались вместе посмотреть на все самое отвратительное, чем только может обернуться смерть, в то время как другие на их месте отпра-

вились бы в ресторан или поиграть в боулинг. Ничего себе семейная встреча...

Медэксперт рассекал, вырезал, взвешивал. Он извлек две пули и положил их в опечатанные пакетики для улик. Потом взял образцы спермы из вагины, нейтральным голосом указал, что сексуальный контакт имел место при жизни жертвы и что, судя по внутренним ранениям, в вагину, безусловно, вводились некие посторонние предметы, одним из которых с большой вероятностью была ветвь дерева, учитывая наличие крошечных частиц коры. Нападающего не заботило, что он оставляет биологические следы. Отсутствие здравого смысла или он просто никогда не имел дела с правосудием? Или же он знал, что будущие анализы заведут экспертов в тупик?

Врач описал повреждения, вызванные прохождением пуль, в том числе ранение селезенки, печени и сосудов таза в брюшной полости. Делая надрез на желудке, чтобы извлечь пищевой комок, он дополнительно заявил – для полной ясности, – что смерть женщины наступила в результате внутреннего кровотечения из многочисленных ран, причиненных огнестрельным оружием. В этот момент запах стал настолько невыносимым, что у Луизы к горлу подступила тошнота.

– Со временем привыкаешь, – заверил Андриё. – Ты наверняка заметила, что Давид уже не чувствует разницы между приятным запахом блюда из почек и ароматом хризантемы.

Луиза только пожала плечами. С Давидом, который, оказываясь, обсуждал их отношения с медэкспертом, она объяснится позже. Следует сказать, эта парочка всегда была неразлейвода... Брови Андриё нахмурились, когда он заметил в глубине желудка какой-то предмет. Вытащил его пинцетом и вытер салфеткой.

Это была шахматная фигура высотой в пять сантиметров. Если точнее, ладья из белого дерева. Луиза едва слышно пробормотала: «Извините» – и выскочила из комнаты, срывая маску. Давид вышел за ней. Капитан жандармерии посмотрел им вслед, потом жестом велел медэксперту опустить фигурку в пакет для улики. После этого тот положил желудок в ведро, уже наполовину наполненное образцами для патологоанатома.

– Шахматная фигура – не та штука, которую можно проглотить случайно.

Поль уложил пакеты в ряд, пронумеровал их, надписал дату, и все это не говоря ни слова. Минут через десять он стянул латексные перчатки, бросил их в мусорный бак и собрал все опечатанные пакеты:

– Ладно, я пошел. Закончишь в одиночку и займись сам образцами для патологоанатома, хорошо?

– Можешь на меня положиться. Знаешь, у меня две внучки, красивые, как ангелочки. Мелисса и Амбра. Я всерьез подумываю уйти в будущем году на пенсию, чтобы проводить больше времени с ними.

Он наставил на Поля лезвие своего скальпеля, прежде чем продолжить:

– При мысли, что тип, способный сотворить такое, возможно, живет где-то неподалеку и прогуливается по тем же паркам, что они, у меня мороз по коже. Так что доставь мне удовольствие: схвати этого сукиного сына.

10

Вымотанный Поль присоединился к дочери и Давиду Эскиме на больничной стоянке. Луиза стояла, прислонившись к машине, Давид – обнимая ее за талию. Давид был довольно приятным внешне, неплохо одевался и развил в себе отличную деловую хватку – в сельских округах бизнес на мертвых с незапамятных времен оставался весьма прибыльным. Насколько Полю было известно, он жил в квартире над своим «коммерческим предприятием». Удобно ходить на службу – просто спускаешься по лестнице, и ты уже по горло в трудах, если можно так выразиться...

Давид поцеловал подругу, коротко кивнул жандарму и быстрым шагом направился обратно в морг. Поль подождал, пока не останется наедине с дочерью:

- Мне неудобно, что он присутствует на вскрытиях.
- Тебе все неудобно, когда речь заходит о Давиде.
- Это не его работа, и он не должен иметь доступ к деталям расследования. Однажды я плюну на тактичность и на-

веду порядок, всему свое место: жандармам – в морге, а гробовщику – с его гробами.

Луиза не стала спорить, ее отец был куда непреклоннее, чем сама Фемида. Она предпочла сменить тему:

– Мне звонил Мартини. Час назад они снялись с места, там уже ни зги не видать. Они ничего не нашли ни на берегах, ни в окрестностях места преступления. Ни оружия, ни гильз, ни обуви, ни окровавленного камня. Завод и очистная станция закрылись вчера в девятнадцать часов. Этой ночью там никого не было.

Поль не ответил. Безвестная жертва, ни одного свидетеля – невезуха по всем статьям. Он аккуратно уложил опечатанные улики в багажник. Сел за руль и посмотрел на дочь. Уткнувшись лбом в стекло пассажирской двери, она мысленно витала где-то очень далеко.

– Можешь переночевать дома, если хочешь.

– Все нормально. Я больше не подросток, и у меня есть мужчина, если помнишь. Давид будет ждать меня вечером.

– Я просто подумал, что мы могли бы поужинать вместе и поговорить в более уютном месте, чем эта машина. Вскрытие – вовсе не безобидная вещь. Это разрушительный поиск истины, и он причиняет боль. Даже мне, можешь поверить. Убийства такого рода случаются не каждый день, особенно здесь.

– Я это уже заметила. У нас все больше алкаши, арестанты и ворье...

– И это совсем не плохо. Но когда сталкиваешься с кровавыми преступлениями, иногда хочется об этом поговорить, и не обязательно с типом, который целыми днями бальзамирует трупы.

– «С типом»... Представь себе, к этому «типу» я питаю определенные чувства. И он не бальзамирует целыми днями. У него для этого есть служащие.

– Супер.

Она подышала на свои замерзшие руки. Поль повернул рычажок отопления до отказа, но они доедут быстрее, чем машина успеет прогреться.

– Жюли Москато была твоей лучшей подружкой, – сказал он. – Вы все вечера проводили вместе, то у одной, то у другой, вы были просто неразлучны. Никто не знал ее лучше тебя. Скажи... Это тело может принадлежать ей?

– Прошло двенадцать лет, папа, какого ответа ты от меня ждешь? Я не знаю. Но ты же, как и я, видел, что Андриё достал у нее из желудка. Ведь та шахматная фигурка не может быть случайностью. Жюли обожала шахматы.

– Я знаю.

Луиза помолчала несколько секунд, взглядываясь в летящие под колеса разделительные полосы.

– Труп приблизительно ее возраста. Возможно, все это время после исчезновения ее накачивали наркотиками, сильно сделали татуировку, втянули в проституцию. А теперь похитивший ее мерзавец позволил себе роскошь вер-

нуться к истокам, чтобы убить Жюли и скинуть нам на руки. Откуда нам знать?

Она продолжала разглядывать асфальт, бегущий под сильным уклоном вдоль кладбища. Фары высвечивали кресты под тисами. То тут, то там мерцающие свечи на солнечных батарейках бдели над могилами. Луиза бросила взгляд в темную глубину, где покоилась ее мать.

– Самое странное – это появление Габриэля Москато, – добавила она. – Вот уже восемь лет, как о нем ни слуху ни духу. И вдруг, как по волшебству, возникает сегодня утром. Он казался совершенно растерянным, потерявшим голову. Когда он приехал на берег, то был уверен, что убитая – именно Жюли, хотя даже не видел тела.

Поль миновал теннисный клуб, включил мигалку и въехал на парковку бригады. Луиза жила в одной из служебных квартир, двухкомнатном пристанище в трехэтажном серо-красном здании, унылом, зато удобном. Большинство жандармов вместе с семьями тоже жили там, в непосредственной близости от работы. Уже много раз Поль видел, как Давид Эскиме приходил туда к Луизе. В скором времени два голубка обустроятся вместе.

Он забрал пакеты с уликами, бросил взгляд в сторону цементного, похожего на сборный домик куба, расположенного слева от главного здания. Куб прозвали «Блок-хаус», на самом же деле это была их лаборатория, которая занималась экспертизами ДНК и отпечатков пальцев.

– Лаборатория закрыта, передам им образцы завтра утром и предупрежу, что результаты нужны в кратчайшие сроки. Пули и тампонаж пороха отправлю в Экюлли. А пока запрю все в сейфе. Скоро мы выясним, Жюли Москато это или нет, а заодно имеется ли убивший ее подонок в нашей картотеке.

– Как минимум один подонок в Сагасе есть, – напомнила Луиза, забирая два пакета.

– Предполагаю, что ты имеешь в виду Эдди Лекуантра.

– Почему мы еще его не навестили? Задать бы ему два-три вопроса о том, где он был прошлой ночью, а?

– Потому что расследование только началось. Подождем анализа ДНК, ладно? Нет смысла торопиться и стучать во все двери. Конечно, у Лекуантра паршивое прошлое, но он свое отсидел, а мы в момент исчезновения Жюли не нашли даже тени улик. Всему свое время, и мне не хочется ссориться с судьей Кассоре. Пока что у нас более-менее приличные отношения, так что не будем портить идиллию.

– Тебя послушать, так только и остается, что вечно чего-то дожидаться. Все так медленно. Это действует на нервы.

– Медленный не я, а правосудие.

Поль вздохнул. Его дочь еще не устала от рутины. В ней еще горел пыл молодости и толкал перескакивать через ступени.

– Меня заинтересовало то, что сказал медэксперт, – бросила она.

– Что именно?

– Что жертва не выделяла слюну в носки. Это означает, что убийца засунул их ей в рот после смерти. Зачем вставлять кляп женщине, которая не может кричать?

– И какие мысли?

– Ты не раз говорил мне, что в преступлениях часто отсутствует логика. Но в данном случае мне кажется, что она тут есть, помимо самого жестокого убийства. Нас хотели заставить поверить, что этой женщине вставили кляп, чтобы не дать ей кричать, пока ее насильовали и вставляли... в нее ветку.

Она приподняла один из образцов:

– Я видела носки, они не были ни порванными, ни грязными, то есть жертва не бегала в них. Это убийца принес их с собой. Он заранее решил запихнуть их в рот своей добыче *после* того, как убьет ее. Другими словами, он тщательно продумал свои действия.

– И в чем же здесь логика?

– Я не знаю, но мне кажется, что, когда ты кого-то насилуешь и разбиваешь ему голову, ты особо не размышляешь. Ты действуешь инстинктивно, а когда дело сделано, ты прежде всего думаешь, как бы тебе убежать, а не как собрать гильзы. Представляешь себе эту сцену? Мы сами должны расшифровать логику, которая скрывается за этой парой носков. Но одно очевидно: убийца не паниковал.

– Ну конечно «расшифровать». Как в твоих чертовых

«Экспертах»¹⁴. Ты очень скоро поймешь, что в жизни все по-другому, моя дорогая. Одни люди убивают, другие умирают. А мы между ними, как дерьмо в проруби, или как пешки, или даже как предохранители, выбирай сама. Мы пытаемся расставить верные вещи по верным местам, но при всем старании это не всегда получается.

После девяти вечера помещение бригады походило на морг, который они недавно покинули. Дежурный жандарм отдал им честь. Неоновые лампы освещали выкрашенные в грязно-бежевый цвет коридоры с кремовым линолеумом на полу, который поскрипывал под подошвами и отклеивался у входа в каждый кабинет. Все пропахло чистящими средствами и затхлой древесиной. Взявшись за дверную ручку, Поль повернулся к дочери:

– Черт, Луиза, ты же могла стать адвокатом в Лионе или же найти приличную работу в каком-нибудь другом месте, а не в этой крысиной дыре. У тебя были все возможности. И зачем тебе понадобилось смотреть, как у женщины извлекают из брюха ее органы?

– Папа, пожалуйста.

– И почему ты втюрилась в какого-то... продавца гробов? Почему ты не уехала из Сагаса, когда представился случай? Ты же знаешь, я бы тебе помог, я бы все сделал, чтобы ты

¹⁴ «Эксперты» – американский детектив 1992 года, в оригинале «Sneakers», в российском прокате «Тихушники» или «Ограбление заказывали», во французском – «Experts». В основе сюжета – поиск украденного универсального дешифратора.

могла добиться чего угодно. Здесь ведь нет перспектив. Не будешь же ты заниматься этим всю жизнь, как твой старикан-отец?

Луиза сунула ему в руки пакеты с уликами:

– Я устала. До завтра.

– Почему ты не отвечаешь на мои вопросы, черт тебя побери? Почему мы с тобой ни разу не смогли поговорить?

Она исчезла в коридоре.

Застыв на месте, Поль дождался, пока в холодном коридоре хлопнула входная дверь. Отношения с Луизой не улучшались, скорей они катились под откос. Взять ее в свою команду, надеясь, что это их сблизит, вполне вероятно, в конечном счете оказалось грандиозной ошибкой.

11

Ничего. Ни документов, ни денег, ни памяти. И четыре километра пешком, чтобы добраться до своей машины, оставшейся на обочине. Габриэль подумал о гнездящемся в нем коварном изъяне, не дающем ему обернуться назад и увидеть последние двенадцать лет. Какая травма могла унести в забвение часть его жизни, чтобы странным образом вернуть его как раз в момент исчезновения дочери? Почему 2008 год, а не 2012-й или 2015-й? Было ли это случайностью или невероятным вывертом его сознания, имеющим целью что-то ему сообщить? Как бы то ни было, даже если

собственный мозг желал защитить Габриэля, как утверждал тот врач из больницы, он все же заставил хозяина переживать адовы муки...

Усевшись за руль старенького «мерседеса», Габриэль выехал на дорогу и направился в северную часть города. Дождь из мертвых птиц не затронул этот район Сагаса. Управление машиной давалось легко, искать переключатели фар не пришлось. Его совершенно не смущали большие размеры автомобиля, хотя раньше он всегда выбирал модели поменьше. Врач упомянул память автоматических навыков. Наверняка в их число входило и вождение этой машины.

Габриэль все более проникался убеждением, что он сам и был человеком, зарегистрировавшимся под именем Уолтера Гаффина, призрака из гостиницы. Он сам явился туда накануне с бритым черепом, фальшивыми очками и снял номер 7. Но по какой треклятой причине?

На окраине города он свернул на дорогу, поднимающуюся к Альбиону. Три километра зигзагов по лесу, с перепадом высот до десяти процентов, из-за чего зимой движение здесь становилось довольно опасным. На полпути его фары высветили ответвление, уходящее между стволами деревьев и ведущее к расположенной чуть дальше стоянке, где исчезла Жюли.

В тот день чудовище из леса похитило у него дочь. Бешеный и невидимый зверь, затаившийся в темных туманах Сагаса и оставивший за собой отчаяние, ярость и непонимание.

И возможно, то же создание срыгнуло его дочь двенадцать лет спустя на берег реки.

Дом Габриэля был старым шале на высоком каменном цоколе, с деревянной верхней частью. Он обновил его своими руками, прибил каждую доску, зацементировал каждый камень. Он всегда отказывался жить в крольчатниках бригады. Им с Коринной хотелось иметь собственный кокон, за пределами города-тюрьмы. Альбион с его шестьюстами душами казался им в этом смысле идеальным местом. Деревня представляла собой тупик, ни одна дорога не проходила через нее, а единственная исходящая – спускалась в Сагас. Там, на высоте, можно было забыть про тусклую серость скопившихся внизу домов, если смотреть в правильную сторону: в западном направлении открывался умопомрачительный вид на плато и пики. Осенью и весной там часто мелькали серны.

Синеватый свет телевизора сочился сквозь шторы гостиной. Габриэль наконец-то почувствовал тепло очага, безопасного убежища, откуда он мог отправиться на поиск воспоминаний. Он поднялся на три ступеньки крыльца и повернул дверную ручку. Дверь была заперта. Он постучал, подождал, царапнул облупившийся лак деревянного косяка. За шале не ухаживали так тщательно, как раньше. Звук поворачивающегося в замке ключа. Лицо в приотворенной двери – кошмарное видение. Габриэль на несколько секунд лишился голоса.

– Поль? Но что ты?..

Габриэль не закончил фразу. Поль Лакруа стоял перед ним, в майке и трусах, ноги в меховых тапочках.

– Сейчас двенадцатый час. Чего ты хочешь?

– Ты... ты спишь с моей женой?

Поль протиснул свои массивные плечи в раствор двери, бросил взгляд на припаркованный на подъездной дороге «мерседес». Как и утром, Москато, похоже, был не в себе. Откуда он взялся в такой час?

– Бывшей женой. Вы развелись, должен тебе напомнить.

Габриэль думал, что уже оказался на самом дне. Но с каждым следующим часом бездна разверзалась все глубже.

– Я хочу поговорить с ней. Позволь мне увидеть Коринну.

– Ее еще нет. Она работает допоздна. Сиделка, помнишь... Я много лет уговариваю ее подыскать не такую уютительную работу, но ты же ее знаешь. Если выкладываться за день, остается меньше сил на всякие мысли.

Габриэль тонул, и под рукой ни одного буйка, за который можно было бы ухватиться. Если перед ним захлопнут дверь его собственного дома, что с ним станет? Куда он пойдет? Он запаниковал. Стоя на пороге, он умолил Поля выслушать его на этот раз, рассказал в подробностях о своем безумном дне от пробуждения в гостинице и до пребывания в больнице. Повторил слова невролога, упомянул психогенную амнезию, поклялся, что застрял в 10 апреля 2008-го, а между тем днем и сегодняшним – пустота. Поль не проявил никакого

сочувствия, но посторонился, давая ему пройти.

– Мне трудно поверить в то, что ты рассказываешь, – бросил он, принеся два пива, – но ты кажешься искренним, а главное, совершенно сбрендившим.

– Все куда хуже.

– Многое переменялось, и не рассчитывай, что я буду с тобой нянчиться. Пей свое пиво, задавай свои вопросы и ка- тись.

Габриэль даже не знал, с чего начать. Старый друг и кол- лега теперь явно его ненавидел и плевать хотел на все его беды.

– Тело, которое нашли этим утром...

– Еще ничего не известно, – мгновенно отозвался Поль. – Завтра после полудня получим результаты анализа ДНК. Я попрошу ребят сделать его в первую очередь. Жертву убили двумя пулями. Мы думаем, что именно выстрелы вызвали массовую гибель птиц.

– Ты и Коринна... как давно?

– Вы развелись восемь лет назад. В бригаде все знали, что у вас сильно не ладится, и еще задолго до исчезновения Жюли. Ты же должен все помнить, верно, раз это было до твоей так называемой потери памяти? Ты сам говорил мне, что вы теперь не спите вместе, что между вами больше ни- чего нет. Но вы не расходились из-за Жюли: следовало и о ней подумать... Ты решил, что трагедия сблизит вас, но про- пасть между вами только увеличилась.

– Ты не ответил на мой вопрос.

Поль обмакнул губы в пиво. Габриэль к своему не при-
тронулся.

– Мы начали всерьез встречаться за год до вашего разры-
ва.

Пальцы Габриэля сжались на банке пива.

– Ты приходил сюда поужинать, – сухо сказал он. – Иногда ты оставался на все выходные. После смерти Мэрилин я был рядом и помогал тебе продержаться. А ты у меня за спиной трахал мою жену?

– Не вали все в одну кучу. Ничего не было, пока между вами все не разладилось. Ты почти не бывал дома, ты проводил больше времени в ассоциациях помощи родителям детей-жертв, чем с Коринной. Ты хотел, чтобы на проблему пропавших детей обратили наконец внимание, но... это как сражаться с ветряными мельницами, Габриэль, и никого никогда не вернет. Ты сделал все, чтобы отдалиться от дома, от жены. А в это время она умирала медленной смертью на Альбионе, глотая таблетки.

– А главное – в это время ты спал с ней. Господи, лучший друг трахает жену кореша, все как во второразрядном фильме. И теперь ты велишь мне убраться из Сагаса? Ты заявляешь, что мне здесь не рады?

Поль подошел к ящику, порылся и бросил ему на колени рентгеновский снимок:

– Оставил на память...

Габриэль пристроил свою банку на низкий столик и посмотрел на серебристый негатив. Перелом берцовой кости. Разрыв мениска. Потом он перевел глаза на ногу Поля. Правую, со шрамами.

– Ага, – проскрежетал тот. – Ты искалечил меня на всю жизнь.

12

Это случилось восемь лет назад. Однажды он их застал. Непосредственно в процессе адюльтера.

– Тебя там не должно было быть. Ну, по крайней мере, ты заставил нас в это поверить. Ты знал про нас и отлично подстроил ловушку, ты всегда любил всякие подвохи. Вечером восьмого марта две тысячи двенадцатого, в годовщину исчезновения твоей дочери, ты, пьяный, ворвался в спальню с бейсбольной битой в руке...

Поль забрал снимок и убрал его в конверт.

– С того дня я больше не могу нормально ходить. Говорят, правая нога у меня на семь миллиметров короче левой. Вроде немного, но достаточно, чтобы портить мне жизнь, несмотря на специальные подошвы и хирургические операции. Это как песчинка, попавшая в часовой механизм.

Оглушенный Габриэль откинулся на диване.

– Я...

– Заткнись, – оборвал его Поль, – твой треп расклада не

изменит. Что сделано, то сделано. Ты был опасен, ты всегда был *borderline*¹⁵, когда речь шла о сведении счетов. Сколько раз я не давал тебе избить подозреваемых? Ты и твои кулачища... Ты был хорошим следователем, но не создан для военной службы¹⁶. Или, может, не для такой военной службы.

Он отпил несколько глотков, сжал банку в руке.

– Я хотел засадить тебя, но Коринна умоляла не доводить дело до суда. Мне удалось подчистить бумаги, и мы с тобой пришли к компромиссу. Ты должен был подать в отставку, уехать из района и не поднимать волну. Что ты и сделал. Тогда Коринна и подала на развод. Она оставила себе дом и выплатила тебе твою долю.

Выгнали, как изгоя. Габриэль вспомнил ненавидящий взгляд Луизы. Враждебность коллег, которых он даже не узнавал, на месте преступления. Все были в курсе того, что он сделал. Это была одна из тех историй, которые рассказывали по утрам у кофемашины.

– И куда я уехал?

– Куда-то на север, ближе к матери... Но тебя туда другое тянуло. Ну, мне так кажется. В тех местах нашли серый «форд». Ты там рыскал, как волк, и я уверен, что ты вел собственное расследование, пытался напасть на след, стучал во все двери.

¹⁵ На грани (*англ.*).

¹⁶ Во Франции жандармерия является составной частью Вооруженных сил и подчиняется Министерству обороны.

– Какой серый «форд»?

Поль увидел в его тоскливых глазах всю искренность мира: бывший коллега действительно все забыл. Он встал:

– Сейчас вернусь.

Он исчез в глубине коридора в направлении гаража, при-
волакивая правую ногу. В этот момент Габриэль понял, что его прошлое будет разматываться, как нескончаемый моток колючей проволоки. Никто не напомнит ему о радостях, смехе, минутах покоя. Только о страданиях и смерти.

Габриэль поискал следы собачьей шерсти на диване – не нашел, оглядел столовую, невероятный экран телевизора, такой тонкий, что вначале он подумал, будто это картина, повсюду вещи Поля: это место уже давно перестало быть его очагом. Дом, отстроенный его собственными руками, забыл его.

Он бросил взгляд на кухню, где Жюли любила выпить горячего шоколада, мягко обхватив ладошками кружку. Посмотрел на лестничный пролет, вспоминая, как дочь, изображая старлетку, сходила со ступеньки на ступеньку. Она собиралась записаться в Лионский университет, на аудиовизуальный факультет. И вот, она никогда не будет работать в кино.

Поль поставил к ногам Габриэля коробку:

– Листовки, материалы ассоциации, которую ты создал ради своей дочери... Адреса родителей жертв, с которыми тебе удалось связаться, фотографии нескольких детей, похи-

ценных в Бресте, Тулоне, повсюду. А главное, там фотокопии всех девятистот процедурных страниц досье, до две тысячи двенадцатого года, то есть до твоего ухода. Ты за всем этим не пришел, но это твое. Можешь забирать.

Габриэль отогнул чуть влажные края картонки. Порылся в ледяных бумажках. Узнал свою подпись на протоколах допросов и осмотров. Даты. Апрель, май, июнь 2008-го.

– А после две тысячи двенадцатого?

– У судебного следователя. В бригаде. Но тебя это больше не касается.

– Это моя дочь!

Поль остался стоять, желая положить конец разговору.

– После две тысячи двенадцатого не случилось ничего нового по сравнению с тем, что у тебя в коробке. Ни одного всплывшего следа, ничего интересного. Новый судебный следователь Кассоре возглавил работу по делу в две тысячи пятнадцатом, сменив двух предыдущих. Лантье ушел на пенсию, а д'Аламбер уехал в Бордо. В две тысячи шестнадцатом Кассоре окончательно отправил дело в архив. Уже четыре года, как оно закрыто...

Габриэля охватывало отчаяние. *Лишь имя, когда-то выкрикнутое в сердце гор*: вот чем стала его дочь. Призраком, досье, отправленным вместе с другими зависшими делами в глубину железного шкафа, который никогда больше не открывают.

– Значит, ее все бросили? Даже ты перевернул страницу

и забыл? Ты?

– Мы потратили восемь бесконечных лет, отрабатывая самые мельчайшие следы, выслушивая каждого свидетеля, проверяя любую наводку... Твою дочь якобы видели в порту Булонь-сюр-Мера, попрошайничающей в Монпелье, садящейся в автобус на юге Италии. Какой-то тип был уверен, что заметил ее в Египте, где она была инструктором по подводному плаванию, что вынудило нас послать международный запрос. Разумеется, это оказалась не она, но мы впустую потеряли много времени и сил. Подключились все экстрасенсы страны, каждый со своей болтовней. Тебе удалось привлечь внимание прессы, сам понимаешь, для разного рода медиумов это была первоклассная реклама! Они из нас всю душу вытрясли.

Он уронил усталую руку. У Габриэля было ощущение, что он столкнулся с медведем, только что вышедшим из спячки. Сагас, это расследование, провал за провалом... Вот почему он так рано поседел.

– Но в результате посмотри, с чем мы остались. С пустыми руками. Все псу под хвост. Мы не знаем ни где Жюли, ни почему она исчезла. К концу четвертого года расследования мы уже обсосали каждую косточку, нам больше не за что было хвататься. Дело не закрывали только благодаря судьё д'Аламберу, который не упустил его из виду. Но когда на его место пришел новый судья, первое, что он сделал, вступив в должность, – это покончил с ним. Он не желал возиться с

делом, которое поглощало столько времени, ресурсов и денег, а в результате зашло в тупик. Хочешь верь, хочешь не верь, но мне жаль.

Габриэль отказывался принять эту неизбежность. Встал. К пиву он так и не прикоснулся. Ни голода, ни жажды, только желание выбраться из этого кошмара. Прижал коробку к груди:

– Для меня ничего не кончено. Я продолжу ее искать. До конца моих дней, если понадобится.

– Не исключено, что ты этим и занимался последние двенадцать лет.

Габриэль с грустью глянул на того, кто был его лучшим другом. Его душило желание завывать. Подошел к входной двери. Поль порылся в своем бумажнике. Потом сунул ему в ладонь две банкноты по пятьдесят евро:

– На гостиницу. Уже поздно, а ты в паршивом состоянии. Не хватает только, чтобы ты угробился по дороге. Предполагаю, ты не знаешь, где живешь?

Габриэль покачал головой:

– Я никак не могу связаться с матерью. У меня ни бумажника, ничего.

Поль застыл на пороге:

– Приходи завтра в бригаду, добудем твой адрес.

– Спасибо.

– Только не питай иллюзий, я это делаю не ради тебя, а ради Коринны. Вы скверно разошлись. После развода она

больше не желала тебя видеть, сменила номер телефона. Одно время даже хотела уехать из города. Только куда? Она и сама не знала. Она до сих пор страдает, как и ты. А что ты думал? Что она забыла свою дочь? Не проходит ни одного дня, чтобы она не говорила о ней. У нее по-прежнему все прокручивается в голове, и это убивает ее. Мне придется рассказать ей о находке на берегу, когда она вернется после очередного бесконечного дня хождения из дома в дом и уколов в стариковские задницы. Завтра я вручу тебе твой адрес, и ты уедешь.

Габриэль покачал головой:

– Еще мне бы хотелось, чтобы ты выяснил личность некоего Уолтера Гаффина.

– Зачем?

– Сделай это, прошу как об услуге. И последнее... когда умер Мальбрук?

– Три года назад. Однажды утром он просто не вылез из своей корзинки. Он не мучился, и у него была самая лучшая жизнь, какую может прожить собака.

Габриэль грустно кивнул и ушел, держа под мышкой тягостные воспоминания о расследовании исчезновения его дочери, уместившиеся в простой заплесневевшей коробке. Покидая свой бывший дом, он испытал чувство, будто оставляет позади и свою жизнь, и свою тень.

Поль закрыл за ним дверь. От долгого выдоха защемило в груди. Он по-прежнему не понимал, с какой стати Габриэль

Москато появился в Сагасе, а город словно отбросил его на двенадцать лет назад, заставив снова пережить худший момент его существования.

Поль вдруг подумал об одном мифологическом персонаже, Сизифе, который был обречен вечно толкать камень на вершину горы. С вершины камень скатывался назад, в исходную точку, и сын Эола был вынужден все начинать с нуля.

13

И снова гостиница «У скалы». Словно первый и последний акт нескончаемого дня. *А завтра будет 2030-й, и мне стукнет шестьдесят пять*, подумал Габриэль, ощутив комок в желудке.

С коробкой под мышкой он направился к входу. Трупы птиц исчезли. За гостиничной стойкой стоял Ромуальд Таншон, которого он сразу узнал. Те же усы, хотя теперь совершенно седые, такой же поношенный шерстяной свитер, даже по цвету похожий на тот, который был на нем двенадцать лет назад. Хозяин гостиницы поднял нос от автомобильного журнала, оглядел Габриэля, обернулся на настенные часы и вытянул шею, как будто пытался рассмотреть что-то у него за спиной, на парковке.

Габриэль поставил свою ношу на стойку и вытащил купюры. На объявлении под фигурками святых были обозначены тарифы: пятьдесят два евро за номер с завтраком. Цены

взлетели вверх, и Габриэль не знал, считалась ли в 2020-м эта цена нормальной или нет.

– Я возьму номер. Но сначала мне бы хотелось, чтобы вы объяснили, что произошло вчера вечером, когда я приехал. Мне сказали, что клиентов принимали вы. Уолтер Гаффин, который остановился в номере семь, это был я?

– До меня и впрямь дошли слухи о вашем странном поведении этим утром. Странная история с номером семь и номером двадцать девять, просто в голове не укладывается. В двадцать девятом вообще никого не было... Короче, если я правильно понял, вы не помните нашего вчерашнего разговора, так получается?

Габриэль хотел было сказать, что он не помнит двенадцати последних лет, но вместо этого просто кивнул.

– Вы приехали в двадцать три тридцать, почти как сегодня. Я уже собирался закрывать. Узнал я вас не сразу. Бритый череп, большие очки, бородака... и физиономия убийцы. Вы походили на Уолтера Уайта, парня из сериала «Во все тяжкие»¹⁷.

Поскольку Габриэль замер, явно ничего не поняв, Таншон продолжил:

– Ну, помните, тот учитель химии, который изготавливал

¹⁷ Сериал «Во все тяжкие» транслировался по кабельному телевидению с 20 января 2008 года по 29 сентября 2013 года, то есть Габриэль его помнить не может.

синий лед¹⁸ и стал одним из самых крупных наркодилеров Нью-Мексико? Все видели этот сериал. Да еще вы назвались Уолтером, с намеком на Уолтера Уайта, верно?

– Чего я хотел? Номер?

– Как и большинство тех, кто сюда является. Сказали, что вы не один и вас ждут на парковке. А главное, попросили сделать вид, будто мы никогда раньше не встречались. Вы записались под именем Уолтера Гаффина, вышли за багажом и вернулись вместе с женщиной.

Каждое слово, вылетающее из уст Тансона, становилось новым ударом.

– Вы хотите сказать, мы заселились в один номер?

– Ну да, в седьмой.

– Опишите ту женщину.

– Вы правда ничего не помните? Даже ее?

– Нет.

– Надо же, но тут я вам особо помочь не могу, ее лица я не видел. Она уткнула нос в воротник пальто и не подходила к стойке. Навскидку я бы дал ей около тридцати, может, немного больше, блондинка... На вид не сказать, что она была жутко счастлива оказаться здесь. Так уж Сагас действует на людей.

Слишком много вопросов и незнакомцев мельтешили в голове Габриэля. Ему хотелось вскрыть себе череп и положить мозг на пол, чтобы пинцетом извлечь из него хоть ма-

¹⁸ Синий (голубой) лед (арго) – синий метамфетамин, наркотик.

лейшее воспоминание.

– А потом? Мы снова ушли?

– Чего не знаю, того не знаю. Я запер за вами входную дверь и отправился спать. Но и после закрытия клиенты могут входить и выходить. Если вы на первом этаже, то из номера можно сразу попасть наружу. И что уж там было потом... Но если вас интересует мое мнение, чтобы высунуть нос на улицу в такой час, нужно иметь серьезную причину. В полночь Сагас не многолюдней сибирской глуши.

Габриэль чувствовал, как глухой ужас скручивает внутренности, а внутренний огонь сушит язык. Картина, на которой жандармы возились с телом на берегу, снова и снова возникала у него перед глазами.

– Вот только эта ночка выдалась непростая, – продолжал Таншон. – В два часа птицы попадали с неба, как метеориты. Слышали грохот по крыше? Просто с ума сойти, что творилось, в жизни такого не видел. К счастью, обошлось без ущерба. Скворцы – не то что градины, помягче будут, когда бьются. Зато потом приходится все отмывать, тоже невелика радость.

Габриэль указал на ключницу:

– Седьмой номер... Можете и сегодня мне его дать?

Хозяин с грохотом положил перед ним большой белый шар с ключом. Потом нагнулся и достал из-под стойки спортивную сумку:

– Вы даже это забыли. Один из наших уборщиков принес.

Очки он туда засунул.

Таншон повернулся к компьютеру:

– Я под каким именем записываю? Уолтер Гаффин или Габриэль Москато?

– Габриэль Москато.

Ромуальд внес данные.

– Кстати, тут у нас кого-то убили, – бросил он, поднимая нос. – В трех километрах отсюда, на берегу Арва. Говорят, жандармы выставили ограждение от лишних глаз и весь день обыскивали окрестности завода по переработке отходов. Еще говорят, что как раз выстрелы и испугнули птиц, из-за чего вся история и приключилась.

– Да, я тоже слышал. Но мне известно не больше вашего. Я уже давно не жандарм.

Он впился глазами в лицо хозяина – никакой реакции. Управляющий уже потерял к нему интерес и даже не заговорил о Жюли. Отныне его дочь оставалась в прошлом... Габриэль отошел, потом вернулся:

– Еще один, и последний вопрос. Скажите, вы помните тот раз, когда я приходил, двенадцать лет назад? Это было в апреле вечером, как сегодня, то есть поздно. Я у вас попросил журнал регистраций, чтобы выяснить имена клиентов, которые жили в гостинице в момент исчезновения моей дочери...

Ромуальд покопался в памяти и кивнул:

– Да, бумажный журнал. Реестр заездов и выездов. Бог ты

мой, с теперешними компьютерами я уже давно от этого всего избавился... Кажется, я даже предложил вам бесплатно номер.

– Точно, пресловутый двадцать девятый. Вы помните, что было потом? Я хочу сказать, вы не знаете, я ушел той же ночью или утром? Или я спал здесь?

– Я уж и не припомню. Но...

– Но?..

– Вы же потом вернулись вместе с коллегами. Даже дважды, если мне не изменяет память. В первый раз из-за нашего уборщика Эдди.

Тот здоровый молодчик с бельевой тележкой, подумал Габриэль. Он кивнул, предлагая продолжить.

– У Эдди были кое-какие нелады с правосудием, но очень давно. Ну, это старая история, и мне бы не хотелось ее ворошить. Эдди – хороший работник, он делает свое дело и ничего не требует. Он достаточно намучился, и мы тоже, в некотором смысле.

Габриэль наверняка узнает больше подробностей из уголовного дела.

– А второй раз?

– Это было месяцев шесть-семь спустя, уже снег на улице лежал. Тогда моя жена дежурила. Она мне еще потом рассказывала, что вы ее спрашивали как раз о том вечере, когда я вам отдал регистрационный журнал. Вы задавали ей вопросы об одном из клиентов, чье имя было в том журнале.

– Каким клиенте?

– Чего не помню, того не помню. Все же двенадцать лет прошло.

– Я хотел бы поговорить с вашей женой.

Он нацелил палец на дверь за спиной хозяина.

– Сожалею, но этим утром вы видели новую мадам Таншон. С Джеки мы развелись уже... уже довольно давно. Я не знаю, где она, у меня несколько лет не было от нее вестей.

Габриэль поблагодарил его и окончательно удалился. Оказавшись в номере семь, он поставил коробку у кровати и открыл спортивную сумку. Повертел очки, нацепил их, пошел посмотреть в зеркало. Уолтер Гаффин. Откуда он взял это имя? *Уолтер Уайт*, сказал Ромуальд. *Персонаж сериала*. Сам он скорее подумал бы о макгаффине Альфреда Хичкока – некоем загадочном или секретном объекте, описанном расплывчато и не имеющем реальной важности, кроме как в качестве предлога для создания данного фильма. Какие-то деньги, украденные в «Психо», секретные формулы в «39 ступенях», уран, спрятанный в бутылках из-под вина, в «Дурной славе». И пара попугайчиков-неразлучников в «Птицах».

Уолтер Гаффин...

Габриэль сел на кровать. В разговоре с Ромуальдом он не стал углубляться в историю с незнакомкой, чтобы не нанизывать вопрос на вопрос. Но в одном он не сомневался: даже если он привел кого-то в свой номер, он проснулся один,

когда начался град из скворцов, потом снова заснул и снова проснулся с распавшейся памятью, и никаких следов ни самой женщины, ни ее вещей не было. Кто она такая? И куда могла пойти? Или она приехала на собственной машине и уехала глубокой ночью?

Габриэль вдруг осознал сценарий, который постепенно начал складываться у него в голове. А вдруг сопровождавшая его женщина и была тем телом на берегу? Возраст, светлые волосы... Здесь разыгралась трагедия, способная в ключья разнести его память.

Светящиеся точки заплясали перед глазами. Низкий голос Поля гудел в ушах. *Ты был опасен, ты всегда был borderline.* Перед глазами снова возникла сломанная кость на рентгеновском снимке. *С бейсбольной битой.* Картины множились, и, когда он увидел себя самого, идущего по берегу реки то ли днем, то ли ночью, он вскочил, будто проснувшись от дурного сна. Нет, он не мог сделать ничего подобного. Конечно же нет. Кстати, он был в гостинице, когда началось падение скворцов...

Он подошел к мини-бару – единственному источнику питья в этом заведении, – выудил банку пива, но до этого залпом опустошил две крошечные бутылочки низкосортного виски. У него больше не было ни дома, ни жены, ни дочери, ни друзей. Осталась только дыра в голове размером со страусиное яйцо. Жюли наверняка была мертва – замучена, изнасилована, убита. Если уж сейчас он не имеет полного пра-

ва выпить...

Ему захотелось закурить. *Мозги проклятущие!* Завтра он выбросит пачку сигарет из бардачка во избежание дальнейших соблазнов. Ни за что он не станет курить. Уставился на коробку, выданную Полем, достал оттуда пачку бумаг, поискал блокнот, куда вносил заметки о ходе дела, не нашел. Естественно, иначе все было бы слишком просто. Но если он в рамках расследования возвращался в гостиницу через шесть или семь месяцев после исчезновения и если он обнаружил нечто примечательное, информация наверняка осталась в досье.

Это нагромождение фактов и протоколов было одновременно и раем и адом. Светом, который позволит склеить воедино кусочки его памяти, но также и мраком, который разъест зияющие раны у него внутри.

Он сделал глубокий вдох, словно перед бесконечной поддержкой дыхания, и приступил к чтению.

14

Габриэль печально разглядывал портрет Жюли, отпечатанный на листовке.

Разыскивается девушка семнадцати с половиной лет, рост 1,63 м, телосложение худощавое, спортивного вида, длинные темно-русые волосы, глаза синие. Носит золотое кольцо в правом ухе и серебряную подвеску в

виде книги на шее...

Книги... Она так их любила, особенно детективы. Читала их с тринадцати лет; темные корешки выстраивались на стеллажах, сделанных отцом. Она всегда говорила, что расследование напоминает шахматную партию: каждый из противников пытается превосхитить ход другого. Габриэль спросил себя, как теперь выглядит ее комната. Сохранила ли ее Коринна нетронутой после всех этих лет, или же Поль убедил ее избавиться от воспоминаний? Как проходил их развод? Без сомнения, в боли и страдании двух раздавленных людей. Трудно поставить крест на более чем двадцати годах совместной жизни. Невозможно превозмочь чудовищную трагедию исчезновения единственной дочери. Их семья распалась навсегда.

От листовок более недавнего времени скрутило живот. Мучительные заголовки: «Не найдена с 2008 года», «Три года без известий», «Только вы можете помочь». Портрет дочери искусственно состарили. Жюли по-прежнему улыбалась – следовало сохранить ее положительный образ, вызвать мгновенное сочувствие. Читая остальные бумаги, Габриэль обнаружил существование ассоциации, носящей имя его дочери, «Ассоциация Жюли». Солена Пелтье, коллега-жандарм и крестная Жюли, была ее президентом, а он казначеем. Коринна нигде не значилась. Габриэль вспомнил: первые недели она провела в постели, оглушенная антидепрессантами.

Продолжая чтение, он поглаживал сведенную татуировку на правом предплечье. Записи в отдельной тетради отмечали их акции и даты. Габриэль представил себе, как, с одной стороны, вел расследование в бригаде, а с другой – предпринимал собственные шаги. Не оставлять себе свободного времени, чтобы не думать. Выпуск вымпелов и маек, расклейка плакатов в торговых центрах и на автодорожных станциях, рассылка сообщений по сетям солидарности, получение субсидий... Фраза, написанная его рукой, повторялась, как мантра, от страницы к странице: «Где-нибудь кто-нибудь что-то знает». Все отклики в прессе тщательно фиксировались. «Дофине либере», RTL, Франс-3... Была создана специальная телефонная линия на случай, если кто-то захочет что-либо сообщить. Габриэль попробовал позвонить по ней с гостиничного телефона: номер больше не существовал.

Лицо Жюли облетело всю Францию. Вместе с членами ассоциации – друзьями дочери, жителями Сагаса, проявившими солидарность, – они ездили в Париж, чтобы принять участие в днях, посвященных исчезнувшим детям. 2008, 2009, 2010-й. Перед глазами проходили списки родителей, переживших ту же трагедию. Габриэль больше ничего не помнил. Ни одного лица, ни одной картинки, он даже не представлял, как проходят подобные мероприятия.

Он продолжил чтение. Ничего ни в 2011-м, ни в 2012-м. Судя по заметкам, во время отпусков Габриэль ездил сначала в Лондон, потом в Монреаль, на встречу с членами

«Missing Children»¹⁹. Результаты их деятельности доказывали эффективность организованной ими ассоциации, настоящей боевой машины, примера для других. Он посмотрел на синие распечатки с множеством лиц подростков, которые однажды испарились. Дети из небытия. Каждый год они исчезали тысячами.

С течением времени акций становилось все меньше. Из ста восьми членов вначале к 2011 году осталось только двадцать три. Никаких откликов в прессе, ограниченный бюджет, и страницы тетради мало-помалу становились пустыми. Габриэль представил себе постепенно воцарявшийся упадок духа, усталость, личную жизнь, которая вступала в свои права, убийственное время, задувшее свечи надежды. Эти добрые люди вспомнили о своем праве держаться подальше от такой неизбывной тоски.

«Где-нибудь кто-нибудь что-то знает». Одни неопределенные наречия и местоимения. Идеальный девиз их полной беспомощности. Габриэль печально глотнул пива. Их битва оказалась напрасной. И его присутствие в этой гостинице с банкой пива в руке – тому свидетельство.

Он открыл досье. Шестьсот восемьдесят два отчета о процессуальных действиях объемом в почти тысячу страниц, и это только за первые четыре года расследования. Кропотливое описание, отражающее день за днем ход поисков.

Отметка C1 обозначала открытие дела утром 9 марта 2008

¹⁹ «Пропавшие дети» (англ.).

года. Габриэль вспомнил, как его коллега Солена печатала заявление, которое сейчас было у него перед глазами:

08:30, 9 марта 2008 г.; родители Жюли Москато находятся в кабинете бригады жандармерии Сагаса. Со вчерашнего дня они не получали известий от своей дочери. Жюли всегда возвращалась домой ближе к вечеру, около 17 часов, после велосипедной прогулки. Были начаты поиски с целью сбора сведений, способных определить причину данного отсутствия...

Габриэль – в одном лице родитель и жандарм. Жертва и следователь. Все было еще так свежо в его голове... Велосипед, прислоненный к дереву, следы шин, прочесывание лесов и долины. Тогдашний шеф попытался отстранить его от дела. Не тут-то было. Габриэль не уступил, и начальник в конце концов сдался.

Страницы протоколов отражали допросы близких и друзей. Последней, кто видел Жюли, была Луиза: девочки проверяли домашнее задание на субботу в доме Лакруа, расположенном в окрестностях Сагаса, перекусили киш-лореном²⁰, разогретым в микроволновке, потом, около двух часов дня, Жюли уехала на велосипеде. Она отправилась на свой обычный велосипедный кросс, как каждую среду, субботу и в полдень в воскресенье. Габриэль в это время находился на своем рабочем месте в бригаде, Коринна – у своих родителей, в четырнадцати километрах от дома. Но и они должны

²⁰ *Киш-лорен* – французский открытый пирог из яиц и сыра.

были подтвердить свое местопребывание. В делах по исчезновению детей первыми подозреваемыми всегда являются родители.

Габриэль пролистал страницы, чтобы быстрее добраться до дня, когда он появился в этой гостинице, в ночь с 9 на 10 апреля 2008-го. Вся последующая информация была ему неизвестна, и ему не терпелось заполнить эту черную дыру.

Габриэль почувствовал, как по телу пробежала дрожь.

17 апреля 2008 года: он ведет поиск по географическим критериям в автоматизированном судебном реестре лиц, совершивших сексуальное преступление, ограничив зону поиска их районом. Выпадают персональные данные всего одного человека: Эдди Лекуантр, тридцать два года, местный житель, судим за попытку сексуальной агрессии в 1997 году, когда он проживал в Шамбери. Молодая женщина не ответила на заигрывания Лекуантра в баре. Он пошел за ней, когда она пешком возвращалась домой, начал приставать. Она повысила голос, он стал угрожать и втокнул ее в какой-то подъезд, рукой зажав рот. Порвал юбку и блузку, сбежал, когда их заметила компания гуляк. Полиция без труда задержала его по месту проживания.

Отсидев три года, этот тип покинул Шамбери и переехал в Орньак, в десяти километрах от Сагаса. Сначала работал на гидроэлектростанции на озере Мируар, потом нанялся в гостиницу «У скалы» уборщиком.

Габриэль без труда вообразил, в какое впал возбуждение,

сделав это открытие, – та же лава затопила его и сейчас. Жандармы – и он первый – наверняка вцепились в парня, как клещи в собаку. Лекуантр знал Жюли, они, без сомнения, вместе работали в гостинице или как минимум сталкивались в коридорах. Его дом обыскали 20 апреля 2008 года.

Габриэль глотал один отчет за другим. Несмотря на тщательное расследование, не было установлено ни малейшей связи между Лекуантром и исчезновением Жюли. Анализ его телефонных разговоров и мейлов не выявил ничего подозрительного. Ни один клиент ни разу не жаловался на него за противоправное поведение. Судя по рапорту, в день трагедии он работал до восьми вечера. Он не мог похитить Жюли.

Габриэль продолжил свои изыскания. Повторные допросы, сводные таблицы, обобщающие выводы, данные экспертиз... Протоколы свидетельских показаний со всякими высказываниями, вроде «милая девочка, скорее приятная» или же «из тех девчонок, которые иногда любят выпендриться». Учителя отзывались о ней как о хорошей ученице, хотя после лета 2007-го она закончила первый триместр выпускного класса намного хуже, чем могла бы. Однако они отмечали, что перед трагедией она значительно улучшила свои показатели и стала пятой в классе. Досье раздевало Жюли донага и рассматривало под разными углами голосами тех, кто ежедневно был рядом с ней.

Шаг за шагом, протокол за протоколом, сотни долгих и трудоемких проверок занимали бесчисленные страницы.

Все перемещения лиц, вышедших из исправительного центра в момент событий, были отслежены. Месяцы и месяцы процессуальных действий, и в результате – тупик.

Бутылочки виски и пиво мало-помалу делали свое дело, в голове зашумело. Габриэль пробегал отчеты, преследуя две цели: найти что-то касательно серого «форда», о котором говорил Поль, и выяснить причину своего возвращения в гостиницу осенью 2008-го.

Первое упоминание об автомобиле он обнаружил в сведениях за 23 мая 2008 года. Записи камер видеонаблюдения на дорожном пункте оплаты автострады А40, в десяти километрах от Сагаса, за 7 и 8 марта были просмотрены его службой лишь спустя два с половиной месяца после исчезновения Жюли. В тот день серый «форд» проехал через дорожный пункт в 14:48 в одном направлении, то есть в сторону Сагаса, и в 17:57 – в другом, то есть в сторону Лиона. У машины был фальшивый номерной знак. Ее водитель оплатил дорожный сбор наличными.

Габриэль посмотрел на среднего качества фотографию, приложенную к досье. Его рука дрожала. Съемка велась с низкой точки, и разглядеть хоть что-то за ветровым стеклом было невозможно.

Фальшивые номерные знаки, краткосрочный проезд туда-обратно, тонированные стекла... У него не оставалось сомнений: пассажир или пассажиры машины похитили его дочь.

Габриэль залпом допил пиво. Стоя на коленях, он быстрыми движениями разложил по полу страницы, составил несколько стопок, по одному просмотрел листы и отложил те, что касались серого «форда». Описание, объявление в розыск по всей Франции – к сожалению, запоздалое. 8 марта следы автомобиля привели к дорожному пункту в Лионе. Жандармы получили свою порцию звонков и ошибочных свидетельств. Сколько ложных версий пришлось отработать, сколько разбитых надежд...

...До 9 июля 2012-го, пятьюстами страницами дальше. Через четыре года тот же серый «форд» был найден сожженным в поле в окрестностях Лилля. И опять номера ничему не соответствовали. Вместо запасного колеса под ковриком багажника лежали еще три фальшивых номерных знака, и среди них тот, который зафиксировали видеокамеры в 2008 году. Так была установлена связь с их делом.

Согласно протоколу, составленному лилльской жандармерией, виновники были обнаружены благодаря отпечаткам пальцев, которые удалось снять с багажника. Речь шла о двух молодых жителях городка Рубе в окрестностях Лилля, уже попавших в полицейскую картотеку, которые объяснили, что угнали машину в разгар дня со стоянки коммерческой зоны Икселя, бельгийской коммуны недалеко от Брюсселя.

Машина похитителя Жюли, угнанная в Бельгии, а затем сожженная во Франции двумя мелкими шkodниками. Габриэль вспомнил, что говорил Поль о нем самом: по словам

бывшего коллеги, он сбежал из Сагаса, чтобы перебраться на север. Габриэль представил, в каком состоянии тогда был... Четыре года расследования – и ничего, полное отчаяние. Потом этот долгожданный прорыв. Колесил ли он по Икселю и окрестностям бельгийской столицы, один, без своего жандармского кепи, пытаясь добраться до владельца машины? Или же, наоборот, все бросил, чтобы погрузиться в отчаяние и продолжать тлеть на медленном огне вдали от Сагаса и его проклятых гор?

Половина третьего ночи. Вокруг него выплясывали страницы, голова кружилась. Габриэль расхаживал по комнате с фотографией «форда» в руке. Он пытался прикинуть возможный сценарий. Машина сначала съехала с автострады, потом вернулась на нее с интервалом в три часа. В середине того дня Жюли каталась на велосипеде по лесным склонам. У нее были свои привычки, ее стартовая и финишная точка никогда не менялась: парковка на подъеме к Альбиону. В тот момент, когда она собиралась снова выехать на дорогу, ее похитили. Возможно, водитель серого «форда» забрался вглубь леса. Вынудил Жюли остановиться. «Мадемуазель? Пожалуйста! Не подскажите?» Жюли резко затормозила и прислонила велосипед к дереву. И тогда похититель силой утащил ее к машине или же убедил пойти добровольно.

Габриэль представлял себе ужас дочери. Дверца багажника хлопнулась, погрузив ее в неизвестность. Стучала ли

она, или ее оглушили? Звала ли на помощь? *Папа, помоги! Папа, ты мне нужен!*

Его там не было.

Он присел и взялся за стопку бумаг. Нет, читать он больше не мог. Совершенно вымотался. Он рухнул на кровать и распластался на матрасе с листовкой в руке. Жюли улыбалась ему, сжимая в пальцах свой кулон в форме книги. Он мог бы проводить с ней больше времени, когда все еще было хорошо. Чаше вместе кататься на велосипеде, ценить ее присутствие рядом каждый день, говорить, как он ее любит. А он никогда этого не делал.

Габриэль поклялся, что он ее отыщет, но двенадцать лет спустя он вернулся на исходную позицию в этот мрачный гостиничный номер. Может, его амнезия для того и случилась, чтобы он осознал, как жалко провалился.

15

Прямо перед ним его бригада, его душа, его прошлое.

Габриэль зашел в жандармерию. Никто с ним не заговорил. С ним едва здоровались, его избегали. В коридорах он посматривал в застекленные двери. Ничего не изменилось. Те же запахи, поскрипывание линолеума, приоткрытая лыжная кладовка, где снегоступы, лыжные палки и горные рюкзаки дожидались первого снега. Габриэль сунулся туда, поискал свое имя на шкафчиках, прежде чем до него дошла

вся глупость этого порыва. Вышел и прикрыл дверь.

На месте Солены Пелтье торчало незнакомое лицо. Потом он на пару секунд остановился перед своим бывшим кабинетом. Через жалюзи он различил Луизу среди стоящих спиной фигур. Сердце на мгновение замерло, когда одно из лиц обернулось к нему. Коринна... Его жена, в мгновение ока ставшая бывшей.

Время и ее не пощадило, но она не шла вразрез с той Коринной, которая жила в его памяти, – широкий лоб, высокие скулы, ледяные озера глаз, перед которыми он когда-то давно не смог устоять.

Она поднесла к губам платок. Хотя в ее взгляде не было враждебности, она не сделала ни малейшего движения Габриэлю навстречу. Поль наверняка рассказал ей о его возвращении, но что именно? Она отвернулась и снова опустила голову. Конечно, она уже знала о найденном на берегу теле. Ждать результатов анализов, которые докажут, не труп ли это вашего ребенка... Что может быть хуже?

С тяжелым сердцем Габриэль отказался от мысли подойти к ней. В любом случае, что он мог ей сказать? Он больше не чувствовал любви к ней. Поль прав, они оба просто выживали. Габриэль представил себе, какой ад пришлось пережить Коринне в вечер расправы над Полем. Она больше не хотела его видеть, они развелись... Все было кончено.

Он двинулся дальше, но прежде обменялся взглядами с Бенжаменом Мартини. Бенжаменом, так мечтавшим стать

начальником группы и вечно остающимся на вторых ролях. Чуть дальше стоял новый ксерокс и кулер. В конце коридора он нашел кабинет Поля и вошел туда, не постучавшись. Та же обстановка, что и по его воспоминаниям, только более потрепанная. Жалюзи на окнах по-прежнему открывали и закрывали, дергая за шнуры, которые неизменно запутывались. Только компьютер показался ему более современным.

За спиной его бывшего коллеги рядом с окном, выходящим на Блок-хаус, на пустой белой доске россыпь магнитиков. Габриэль заметил в лотке стопку фотографий, перевернутых изображением вниз: их наверняка сняли перед его приходом. Он положил папку с досье на деревянный стол.

На сидящем напротив Поле был уставной темно-синий свитер, на плечах ярко выделялись погоны с нашивками. Посмотрев, как тот снимает очки, Габриэль невольно подумал об усталом бюрократе. Жандарм из прошлого, живчик с блестящими глазами, больше не существовал.

– Я поговорил утром с твоим неврологом, – сразу перешел к делу Поль. – Выходит, твоя проблема с памятью – не выдуманная хрень. Самая дикая история, какую я когда-либо слышал. Ну, если не считать дождя из птиц, которая в своем роде тоже бьет все рекорды.

– Ты все-таки решил сунуть нос в больницу. Тронут доверием...

– Ты меня знаешь, а люди не меняются. Я должен был понять, что именно с тобой случилось. Эта психо-какая-то ам-

незия... Просто... поразительно.

– Да уж, поразительно. Лучше скажи мне, что ты знаешь о Ванде Гершвиц.

Поль встал налить себе воды. Предложил Габриэлю, тот отказался, вернулся и снова устроился в своем старом кресле на колесиках. Разломил ампулу с витамином D, вылил ее содержимое в стакан с водой.

– Ванда Гершвиц... Ну конечно, ты всю ночь читал копию досье. Я так и думал, что, заполучив ее, ты явишься с кучей вопросов. Черт, это же старая история. Я даже не помню, о чем ты говоришь.

Габриэль присел на стол, наклонившись вперед. Настенные часы под потолком показывали ровно два.

– Я освежу тебе память.

– И это говорит человек с амнезией...

– Девятое апреля две тысячи восьмого: в тот вечер я пришел выяснить личности постояльцев гостиницы «У скалы», которые жили там между пятым и девятым марта. В списке была Ванда Гершвиц, которая занимала один из номеров с двадцать четвертого февраля и до дня похищения моей дочери, восьмого марта. Пятнадцать дней в этой крысиной дыре, оплата налом...

Поль отпил воды с апельсиновым вкусом, впечатленный памятью того, кто вроде бы ее потерял.

– Проходит больше шести месяцев, пока наконец не начинают разбираться с содержимым моего блокнота, раз дру-

гих ниточек не остается. Предстоит отыскать одного за другим всех приезжих, находившихся в Сагасе в момент исчезновения Жюли, проверить каждого по картотеке правонарушений в надежде, что где-то замигает красная лампочка... И тут попадается эта Ванда Гершвиц, которой не существует в природе. Выдуманная личность.

Поль кончиками пальцев подтолкнул досье к Габриэлю:

– Мы ничего не нашли, и ты это знаешь. Я уверен, что в глубине души ты знаешь. Управляющие не вспомнили эту женщину. Да и не могли они столько времени спустя, притом что гостиница постоянно полна! У Гершвиц нет ни возраста, ни лица. Обычная клиентка среди многих других, которая просто назвала чужое имя. Такое часто случается в подобных заведениях. Люди, которые по разным причинам не желают оставлять своих следов.

Габриэль открыл досье и ткнул в фотографию серого «форда»:

– Перейдем к следующей части. Серый «форд» с фальшивыми номерами проезжает по ведущей из Лиона автостраде в четырнадцать часов сорок восемь минут. Он же двигается в обратном направлении ровно через три часа. Моя дочь внутри.

– Это всего лишь предположение. Мы так и не нашли доказательства...

– Я прочел: были проверены все записи дорожных пунктов в районе Сагаса за два предшествующих похищению ме-

сяца. Мы угробили уйму времени и не нашли ни малейших следов этой тачки. Тогда откуда водитель знал про паркинг? Жюли начала тренироваться в тех местах за несколько недель до происшествия. Как похититель мог оказаться на подъеме к Альбиону, свернуть на дорогу, ведущую на паркинг, и застать там мою дочь, если не знал, где и когда ее можно найти? Лучшего места в разгар дня не подыскать, если не хочешь, чтобы тебя увидели. Тот или те, кто совершил похищение, знали привычки Жюли лучше меня. Они заранее подготовились, Поль.

Он упер указательный палец в стол:

– Два очевидных варианта: первый – Эдди Лекуантр. Он работал в гостинице, общался с Жюли. Согласно отчетам, парень – одиночка, все его телефонные разговоры ограничивались матерью и сестрой. В его компьютере пусто, никаких нарушений за все годы после тюрьмы, ни единой жалобы клиентов. *Nada*²¹.

– Ты прекрасно подытожил ситуацию. Лекуантр был *clean*²².

– Остается второй вариант: эта Ванда, которая живет в Сагасе две недели, платит наличными и по странной случайности растворяется в воздухе в день с исчезновения Жюли...

Капитан начал заново выкладывать в ровный ряд ручки на столе. *Ничего не изменилось*, сказал себе Габриэль. Все та

²¹ Ничего (*исп.*).

²² Чист (*англ.*).

же чертова одержимость порядком.

– Нам так и не удалось установить какое-либо пересечение этой Ванды Гершвиц и серого «форда», которого никто не видел, – возразил Поль. – Наша работа в том и состоит, чтобы находить связи, а в подобном расследовании их иногда видят там, где их нет. Ищут взаимозависимость в простых совпаде...

– Кончай молоть языком и скажи мне, веришь ли ты хоть на секунду в то, что пытаешься мне втереть. Скажи мне глаза в глаза, что ты уверен, будто это простое совпадение.

Поль глянул на него:

– Это простое совпадение.

– Ты лжешь. Ты никогда не верил в совпадения. Для тебя случайностей не существует.

– Но в данном случае именно они и произошли. Все кончено.

Поль протянул листок:

– Держи, это твой адрес. Здание в рабочем квартале Лилля, Ваземме. Ты там живешь уже три месяца. А еще мы достали координаты приюта при монастыре бегинок, где сейчас находится твоя мать. Это рядом с Аррасом, в сорока километрах от твоего дома. Наш специалист сумел определить ее номер, он записан в самом низу, под твоим. Если ты так и не нашел свой мобильник, купи новый на улице Бланш, они помогут тебе восстановить симку с прежним номером.

Габриэль впился глазами в строчки. Что он делал в рабо-

чем квартале Лилля, если мать жила в получасе езды оттуда? Связано ли это с «фордом»? Поль протянул другой листок:

– А это квитанция приема заявления о краже удостоверения личности. Я обо всем позаботился, тебе нужно только подписать. Этот документ позволит тебе, в частности, снять со счета деньги. Предполагаю, твоя тачка не на кислороде ездит, и тебе понадобится горючее, чтобы вернуться домой.

Габриэль подписал квитанцию, сложил полученные от Поля листочки и убрал их в карман куртки:

– Наверно, я должен тебя поблагодарить.

Поль встал. Скрестив руки на груди, он посмотрел на черную тучу птиц где-то в километре от них, продолжающих неутомимо кружить в небе.

– Они гадят повсюду, орут уже три дня, и в то же время они меня завораживают. Ты их видел? Похоже на произведение искусства. Иногда они составляют математически безупречную фигуру, знаменитый знак бесконечности в форме восьмерки. Цикл вечного возобновления, повтор событий... Как все-таки странно.

Он замер, задумавшись над собственными словами, потом продолжил:

– Они движутся так согласованно, словно образуют единое существо, реагируя одновременно и почти мгновенно... И это притом, что у них нет головного вожака, как у других мигрирующих колоний. Достаточно одной птице повернуть и сменить скорость, как все остальные поступают так

же. Они словно объединены в единую систему... Поэтому и произошла вчерашняя массовая гибель скворцов. В темноте они потеряли ориентиры.

Поль сделал глубокий вдох и остался стоять, прислонившись плечом к стене.

– Мы, люди, совсем другие. Сколько бы мы ни собирались в группы, мы всегда остаемся индивидуалистами. Эгоистами. И твое внезапное возвращение не перевернет наши жизни и не изменит мир. Ты знаешь, как действует правосудие. Что бы ты ни делал и ни говорил, нет ни единой возможности снова открыть дело. Все кончено, – повторил он.

В этот момент Габриэль понял, что его бывший коллега не ответит на его вопросы. Он взглянул на фотографию в рамке слева от компьютера. Коринна и Поль, улыбающиеся в объектив, сидят за столом в саду, позади них шале. Кто сделал снимок? Конечно, Луиза. Маленькая дружная семья...

Поль опустил штору. Темнота окутала часть кабинета.

– Мой черед задавать вопросы. Я тоже провел кое-какое расследование. Не поговорить ли нам о Уолтере Гаффине?

16

Не дожидаясь, пока впавший в задумчивость Габриэль очнется, Поль потребовал:

– Для начала скажи мне, кто это такой.

– Я не знаю. Имя, которое пришло мне в голову. Может,

обрывок воспоминаний или кто-то, кого я знал. Представления не имею.

Поль пошел закрыть дверь. Неоновая лампа затрещала, когда он нажал на выключатель.

– «Кто-то, кого ты знал»... Забавно, потому что для страховой или налоговой Уолтера Гаффина не существует. Он призрак. Его следы обнаружили только в архиве водительских прав и реестре свидетельств о владении автомобилем. Гаффин – владелец «мерседеса» кремового цвета, просто копия твоего.

Капитан развернул экран своего компьютера. Габриэль уткнулся носом в собственную фотографию на правах. Бритый череп, очки, борода, черты лица.

– Фальшивые документы, изготовлены очень искусно, – добавил Поль, – но ты не дошел до полной смены личности. Уолтер Гаффин не имеет ни счета в банке, ни паспорта, а адрес проживания у него твой. К тому же эти шмотки и очки... Тебе просто понадобилось выдать себя за того, кем ты не являешься. Спрашивать зачем – вряд ли имеет смысл, я прав?

Габриэль в смятении смотрел на свой портрет. Фотография недавняя. Права выданы три месяца назад. В тот момент, когда он обустроился в Ваземме.

– Знаю только, что позавчера я зарегистрировался в гостинице под этим именем, – попытался оправдаться Габриэль. – Так значилось в их компьютере.

Поль прищурился, словно ломал голову над кубиком Ру-

бика:

– И что я теперь должен делать? Передо мной, капитаном жандармерии, офицером судебной полиции, субъект с подложными документами, бывший жандарм, потерявший память и вернувшийся в Сагас по неизвестным чертовым причинам.

– Поступай, как сочтешь нужным. Но пожалуйста, дай мне время собраться с мыслями. Сообразить, что происходит.

Поль устало улыбнулся:

– Ты не понял. Я хочу, чтобы ты уехал. Чтобы ты убрался из Сагаса вместе со своими проблемами и никогда больше здесь не показывался. С тобой свяжутся по поводу тела на берегу. Ну, если понадобится.

– Если это моя дочь, ты хочешь сказать?

Капитан закрыл окна на своем экране. И сделал вид, что не услышал.

– Будем считать, что на данный момент это отвратное дело с убийством, которое на меня свалилось, мешает всерьез заняться чем-то еще. Но не испытывай моего терпения, и вот тебе совет: сделай так, чтобы о тебе забыли. Я не смогу вечно стирать с долговой доски твои выходки.

Поль поднялся и молча направился к двери. Габриэль подошел к нему с досье под мышкой:

– Почему тебе так нужно, чтобы я уехал из города? Почему ты отказываешься дать мне доступ к полному досье, хотя уже вручил девятьсот страниц? Ты предупредил всех о моем

приходе. От меня шарахаются как от чумы. Я тебя знаю. Ты что-то от меня скрываешь.

– Разговоры не вернут Жюли. Время прошло, Габриэль, вбей себе это хорошенько в голову. А теперь, если позволишь, мне нужно работать.

Габриэль больше не надеялся вытянуть из Поля что-то еще.

– Мы вместе выросли. Мы были напарниками. Как мы могли прийти до такого?

Не услышав от Поля, уже углубившегося в бумаги, ответа, он вышел, не попрощавшись.

17

Сразу после бригады Габриэль заехал в свой старый банк. Согласно объяснениям служащего, он перевел все свои средства на текущих счетах в лилльское отделение той же банковской группы в 2012-м, то есть в год их с Коринной разрыва. На его основном счете лежало больше тридцати тысяч евро, кругленькая сумма, но его страховка была закрыта в момент развода. В 2013-м на его счет поступило больше ста двадцати тысяч евро. Без сомнения, его доля за дом.

В выписках за последние три месяца значились только расходы. Он много раз снимал наличные в Лилле или Брюсселе. Но кто «он»? Габриэль Москато или Уолтер Гаффин? Он подумал о фальшивых документах. Они должны были

стоять целого состояния...

В магазине телефонов он купил самую простую модель, но ему и она показалась слишком сложной. Продавец проверил его личные данные и после нескольких компьютерных манипуляций вручил ему мобильник с прежним номером – не прошло и двадцати минут. Объяснил, как работает фотокамера, GPS... Габриэль попал в другое измерение: эти телефоны разве что кофе не варили.

Выйдя из магазина, он набрал номер матери, прикасаясь непосредственно к экрану, – нечто для него революционное, но сами движения были ему подспудно знакомы. От дрожащего голоса в автоответчике по телу прошел озноб: *«Мама, это я, Габриэль... Позвони мне, когда сможешь. Все хорошо... И... мне приятно слышать твой голос».*

За рулем своего «мерседеса» он проехал мимо исправительного центра. Как изменилась преступность, законы, техника расследований! Габриэль чувствовал себя потерянным, куда ни кинь. Он был жителем 2008-го, перенесенным в будущее машиной времени и прихватившим в своем багаже все самое худшее. Выживший в неведении.

Он проехал еще два километра. На самом кособоре он оказался в жилом квартале, расплзшемся по склону горы. Ряды домов были построены на многочисленных террасах, и те, что повыше, и стоили подороже. Он постучал в дверь скромного жилища, расположенного на самом нижнем уровне, – бетонной коробки с оштукатуренными кремовыми сте-

нами и окнами, украшенными горшками с красной и фиолетовой геранью. Он от всего сердца надеялся, что Солена Пелтье все еще живет здесь.

Увидев ее, Габриэль почувствовал такое счастье, что сжал женщину в объятиях. Потом отстранился, оглядел ее с ног до головы. Его бывшая коллега никогда особо не следила за своей внешностью, и время не добавило ей красоты. Полуседые волосы неопрятными прядями свисали на перуанское пончо из альпака, сухие губы сморщились и потрескались, будто финики.

Покашливая, Солена пригласила Габриэля зайти. Каким ветром его занесло к свежеиспеченной – еще и месяца не прошло – пенсионерке? Габриэль снова завел пластинку с описанием своих последних кошмарных часов. Он не стал упоминать о женщине, с которой приехал в гостиницу, а о теле, найденном на берегу Арва, Солена была уже в курсе. Прочла статью в газете.

Она сунула ему в руку стаканчик с выдержанной сливовой настойкой, залпом осушила свой. Потом долго разглядывала Габриэля, словно хотела покопаться в его черепной коробке.

– Ты время от времени мне звонишь, – бросила она, хлопая стаканом о стол. – Спрашиваешь о новостях, хочешь знать, продвигается ли расследование...

Габриэль постучал в нужную дверь, Солена Пелтье оставалась его единственной связью с Сагасом. Мелкими глотками он выпил свою настойку, со вчерашнего вечера чувствуя в

себе определенную склонность к алкоголю. Еще один мерзкий подарочек, оставленный его вторым «я»?

– Конечно, Поль запретил нам снабжать тебя информацией в случае, если ты попытаешься связаться с кем-нибудь из нас. Имей в виду, я никогда, ни на секунду не одобряла того, что ты с ним сделал, однако... Жюли была моей крестницей. А с тобой мы вместе отпахали двадцать лет. Ты всегда был прямым мужиком, хоть иногда и слетал с катушек. Но скажи, с кем такого не случилось с нашей чертовой работенкой? Это была твоя дочь, и ты имел право быть в курсе.

Она налила себе еще стаканчик. На креслах лежали покрывала, все в кошачьей шерсти, на спинках стульев – всякие шмотки: Габриэль представил себе жизнь затворницы. Насколько он знал, мужчин у крестной Жюли никогда не было. В бригаде ее прозвали Железной Леди.

– Ты мне говорил об этой Ванде, о сером «форде»... Самые серьезные ниточки, какие только мы получили. Совершенно очевидно, что женщина приезжала для разведки, она была связана с водителем машины. Поль и все члены группы, занимавшейся расследованием, были в этом железобетонно убеждены...

Габриэль сжал кулаки. Значит, бывший коллега ему солгал.

– Похоже, тебе не пришло в голову это сопоставить, – констатировала Солена. – Ничего удивительного, ведь это я в свое время установила связь.

– Сопоставить что?

– Имя Ванда Гершвиц тебе ни о чем не говорит?

Он покачал головой.

– Это девица из фильма восьмидесятых годов «Рыбка по имени Ванда». Помнишь? Джейми Ли Кертис играла роль Ванды.

Единственная картинка, которая возникла у Габриэля перед глазами, – мужчина, уносящий золотую рыбку в аквариуме, чтобы проглотить ее.

– Смутно.

– Ванда принимает участие в краже бриллиантов вместе со своими сообщниками; собственно, она-то все и придумала. Как все, ты посмотрел фильм и тоже, как все, запомнил только имя героини – Ванда. Ванда Гершвиц... Если никто не обратил внимания на нашу Ванду, то именно потому, что она сделала все возможное, чтобы ее не заметили. Никакой доплаты за завтрак, номер на первом этаже с выходом на прямую на улицу, чтобы не попадаться лишней раз на глаза управляющим. Она невидимка. На протяжении пятнадцати дней она, вероятно, наблюдает за Жюли и ходит за ней следом. Может, даже заговаривает с ней – на улице, в магазине, в бассейне. Кто будет опасаться женщины? Она знала, что в ту субботу Жюли поедет кататься на велосипеде после полудня. Она предупредила своего сообщника – или сообщников – из серого «форда», которые явились, уж не знаю откуда, и взяли на себя само похищение. После чего Ванда окон-

чательно покинула город. В похищении было задействовано несколько человек, все прошло чисто и гладко. Таков наиболее вероятный сценарий. К несчастью, несмотря на все усилия, мы уткнулись в тупик. Было уже слишком поздно. Время прошло, никто больше ничего не помнил.

Она со вздохом посмотрела на свой стакан.

– Так все ничем и закончилось в этом расследовании. Полагаю, ты в курсе насчет Лекуантра...

– Да. Столкнулся с ним вчера в коридоре гостиницы, но не узнал. Я хотел поговорить с ним этим утром. Но он по субботам не работает.

– Мы и в это поверили. А что, классный след. Местный житель, который как-то вечером в девяносто седьмом году поддался секундному порыву и чуть не изнасиловал женщину в Шамбери. Парню тогда едва стукнуло двадцать лет, но подобные люди остаются опасными зверьми. Ну, таково мое твердое убеждение... И твое было тоже.

– И осталось.

– Но это был не он, Габриэль, он работал, когда все случилось. Мы прошерстили всю его жизнь, его дом, каждый квадратный сантиметр сада, подвала, и все безрезультатно. Что стало с Жюли? Почему она? Кто такая эта Ванда? Никто не знает. Ты представить себе не можешь, как мне было грустно, когда в пятнадцатом году ассоциация распалась. Джефф не хотел больше исполнять функцию секретаря, ты был слишком далеко, у нас четверых, тех, кто продержался

до конца, больше не осталось ни сил, ни желания. Искать было уже нечего. И надеяться не на что. Целых семь лет... Я ушла на пенсию с грузом этого поражения. Жюли была моей крестницей. Нет ничего хуже для жандарма, чем оказаться отстраненным от дела и жить с этим до конца дней...

Габриэль подошел и присел рядом с Соленой, приобняв ее за плечи. Он всегда питал к ней нежную привязанность. На подоконнике мурлыкала старая кошка.

– Я знаю, что ты сделала все возможное, Солена. Тебе не в чем себя упрекнуть.

Женщина опустила глаза. Габриэль почувствовал под рукой, как напрягся ее затылок.

– Есть еще что-то, что я должен знать?

Она подошла к окну, взяла кошку на руки и ласково ее погладила.

– Две вещи. Первая произошла за несколько недель до того, как я вышла на пенсию, в конце августа этого года. Ты связался со мной, чтобы попросить порыться в FNAEG²³ и выслать тебе мейлом графики, отражающие ДНК-профиль Жюли и другой молодой женщины, Матильды Лурмель.

– Генетические профили? Зачем?

– Ты ничего не захотел мне сказать... Чтобы не втягивать меня, как ты выразился. Что-то странное было в твоём голосе, вроде страха, и это давило на меня даже на расстоянии.

²³ FNAEG (фр. Le Fichier National Automatisé des Empreintes Génétiques) – Национальная база генетических отпечатков.

Ты явно что-то нарыл, и это что-то привело тебя в Брюссель. Обещал все мне объяснить, когда закончишь.

– Что? Что я должен был закончить?

– Представления не имею. Поначалу я отказалась давать тебе профили. Доступ к генетическим данным отслеживается, а мне не нужны были проблемы. Но в конце концов я тебе перезвонила через несколько дней. Я это сделала и ради Жюли, и ради тебя.

– Почему Матильда Лурмель? Кто это?

– Я посмотрела в Интернете. Она одна из исчезнувших. Ей было двадцать лет, жила в Орлеане. Все случилось в две тысячи одиннадцатом. В один прекрасный день она просто испарилась и никогда больше не подавала признаков жизни.

– Как Жюли.

– Да, как Жюли. И это все, что я знаю. Могу только сказать, что ее имя даже не мелькало нигде в нашем расследовании, и я решила не копать в этом направлении, чтобы не привлекать внимания.

Габриэль ничего не понимал. Зачем ему понадобились ДНК-профили дочери и какой-то незнакомки? Какой прок от этих графиков, которые сами по себе мало что значат и к тому же совершенно неудобочитаемы? И что он делал в Брюсселе? Несомненно, это как-то связано с серым «фордом», украденным двумя шпаненками в Бельгии. Но как бы то ни было, просьба, с которой он обратился к Солене, возникла не на пустом месте: он наверняка взял серьезный след.

– Ты говорила о двух вещах. Какая вторая? – напомнил он.

– Да, да. Меня так давно подмывало все тебе рассказать, но... ты бы вломился сюда в своих сапожищах и уж точно пустил бы по ветру финал моей карьеры. Поль меня в асфальт укатал бы. Короче, сегодня он пусть делает что хочет, мне теперь плевать. И потом, дело уже четыре года как закрыто... Может, с точки зрения правосудия все и закончено, но ты-то здесь, сидишь передо мной, со своей слоновьей памятью, так что...

Габриэль выбрался из кресла, затаив дыхание. Солена смотрела на отражение его силуэта в оконном стекле. Мотнула подбородком в сторону города вниз:

– Видел эту тучу птиц и бойню той ночью? Я спустилась поглядеть на трупы, это ж просто безумие какое-то. Сразу подумалось о десяти казнях египетских, «Я наполню Египет лягушками». Исход, глава восьмая, стих два... А другой отрывок из Библии наводит на мысли о Содоме и Гоморре, городах, разрушенных огненным дождем за грехи их жителей. Может, Господь решил наслать кару на Сагас, чтобы наказать за трагедии, которые здесь разыгрались.

Кошка мурлыкала. Мягкое тепло обволокло Габриэля. Алкоголь, включенный на максимум обогреватель и мистические разглагольствования Солены... Она всегда была верующей и каждое воскресенье ходила в церковь.

– Это розовые скворцы, – кажется, они прилетели из сте-

пей Украины. Они устраиваются на ночь в окрестностях города, чтобы уберечься от хищников, перед тем как отправиться напрямую в Испанию. Я в жизни не видела такого явления. Они все кружат и кружат, иногда даже похоже на торнадо. Банди целыми днями их разглядывает. Вчера он буквально слюной изошел. Наверняка его с ума сводит, что у него нет крыльев.

Женщина выпустила кота и повернулась к Габриэлю, исполнившись решимости:

– Ты на машине?

Он помахал ключом. Она налила себе прощальный стаканчик и сняла с вешалки жакет, который носила еще двенадцать лет назад. На пару с перуанским пончо это выглядело круто.

– Поехали, – бросила она.

– Куда это?

– На старую гидроэлектростанцию на озере Мируар.

18

Очень скоро «мерседес» уже поднимался по другому склону долины. Между елями шумели водопады, дорога превратилась в асфальтовую тропинку, ведущую к едва различимой скале на вершине. Габриэлю пришлось включить фары. На высоте около пятисот метров над городом они погрузились в толщу облаков.

Дорожные щиты указывали на въезд к гидроэлектростанции, закрытой несколько лет назад. Следовало хорошо знать эти места, чтобы не пропустить поворот с ведущей на вершину дороги и двинуться в сторону леса по едва различимому проезду. Габриэль осторожно объезжал корни, взломавшие асфальт на старом подъездном пути. По словам Солены, работы по демонтажу станции начались в 2009-м, вела их EDF²⁴, которая планировала построить вместо нее новую, более современную. Электростанция на озере Мируар была возведена аж в 1936 году и стала одной из первых во Франции, использующей для передачи энергии систему насосов. Все работы по ее разборке и сносу были остановлены через шесть месяцев, в разгар зимы, и более не возобновлялись. Никто не знал почему.

За очередным поворотом открылось озеро Мируар. Своим названием²⁵ оно было обязано той чистоте, с какой его зеркальная гладь отражала склоны окружающего его гранитного цирка, этого изумительного природного ансамбля из скал различных оттенков, от темно-серого до молочно-белого. При благоприятной погоде – в солнце и безветрие – на его берегах возникало ощущение, будто падаешь в бездонную дыру, возникшую в горах.

²⁴ EDF (фр. Electricité de France) – крупнейшая государственная энергогенерирующая компания Франции и крупнейшая в мире компания-оператор атомных электростанций.

²⁵ Мируар (фр. Miroir) – зеркало.

Но сейчас озеро было лишь темным провалом, утопавшим в туманах. Проехав еще километр, Габриэль припарковался на стоянке за зданием с высоким металлическим фасадом и множеством застекленных проемов под неплохо сохранившейся крышей-террасой. С наружной стороны навесные конструкции, пилоны и электрическая проводка были уже разобраны. Три гигантские трубы напорного водовода, идущие из верхнего бассейна, по-прежнему выступали из скалы, впиваясь ниже в бетонные стены. Восьмьюдесятью метрами выше едва угадывалась забутованная площадка дамбы. Габриэль вспомнил, как, когда станция еще работала, яростные воды другого высокогорного водоема – Черного озера, расположенного выше по склону, – по команде нагнетались в трубы, что позволяло запускать все четыре турбины одновременно и таким образом снабжать электричеством часть населения Сагаса.

– Нам нужно то, что там, внутри, – заявила Солена.

Она не пожелала ничего ему рассказать, решив устроить сюрприз. В свое время начальство стройплощадки повесило замок на металлические двери центрального блока, но его давным-давно сломали – возможно, исследователи заброшенных зданий.

Они прошли под фронтоном, украшенным фреской с изображением движущих сил озера Мируар. Цветная керамическая плитка, еще не поврежденная или не украденная, покрывала потрескавшиеся стены. Чуть дальше они минова-

ли залы с похожими на гигантских улиток турбинами, подключенными к массивным генераторам. В одном из закоулков гулко капала вода, издавая «плюх!», как в глубине пещеры. Агонизирующее здание еще дышало.

– Тут ни черта не видно, – заметила Солена. – Надо было захватить фонарик.

– Надо всегда при себе фонарь иметь, когда наступает черная смерть.

– *Dixit*²⁶ человек, потерявший память. Еще и стихами.

Солена включила в своем мобильнике встроенный фонарик. В конце коридора они поднялись по огражденной проволочной сеткой винтовой лестнице с заржавевшими ступеньками. Габриэль представил, как тяжело было здесь работать, особенно зимой, в оглушительном грохоте нагнетаемой воды, в одиночестве и пронзительном холоде. В тот момент, когда они заходили в верхний зал, ледяная струя ударила им прямо в лицо. Солена закричала, прижав ладони к глазам. Габриэль согнулся пополам, горло жгло огнем.

Слезоточивый газ.

Металлический грохот на лестнице: какая-то масса неслась вниз по ступенькам. Габриэль схватился за перила, выкашливая внутренности. Череп пульсировал, ощущение такое, будто в глаза попали металлические опилки, но это не помешало ему разглядеть внизу надвинутый капюшон. Он повернулся к Солене, упавшей на колени. Из рта у нее тек-

²⁶ Сказал (*лат.*).

ла слюна.

На заплетающихся ногах и с хрипящим горлом он начал спускаться. Попытался сглотнуть – показалось, что он сожрал горсть гвоздей. Стук подошв о металл буравил барабанные перепонки.

Наконец-то свежий воздух... Габриэль распахнул глаза, невольно усилив боль от ожога. Какая-то фигура быстрым шагом огибала озеро, уже почти растворившись в тумане. Ярость превозмогла боль, и Габриэль побежал. Но сердце будто взорвалось в груди. Через сто метров, едва не задохнувшись, он остановился и уперся руками в колени. Минуту спустя по лесу разнесся шум мотора и затих вдали.

Габриэлю потребовалось время, чтобы прийти в себя, он долго сплевывал, избавляясь от химического привкуса во рту, прежде чем вернуться на станцию. Поднял меховой ворот и спрятал нос под молнию куртки. Солена со слезящимися глазами сидела в углу. Опустившись перед ней на корточки, Габриэль осмотрел повреждения: вместо глаз два шарика от пинг-понга.

– Не трогай глаза, главное, не три их. Ты что-нибудь успела увидеть? Лицо?

– Ничего... А ты?

– Немногое. Шарф, капюшон, перчатки... Ушлый парень. Он поставил машину недалеко от того места, где мы въехали на станцию.

Он выпрямился, с трудом пытаясь понять, что с ними

только что произошло. Все случилось так быстро.

– Что мы здесь делаем, Солена?

С болезненной grimасой она ткнула в бесконечное пространство зала:

– На стене, там...

19

Осторожно ступая, Габриэль двинулся вдоль тесного прохода, построенного над залом, занимаемым генераторами, под путаницей балок и несущих металлических конструкций крыши. Через узкие окна он видел черные воды ледяного озера, по берегу которого вилась дорога.

И тут его взгляд уперся в слова, написанные красным на стене справа, между двумя бетонными колоннами:

Я ЗНАЮ, ГДЕ ОНА

Габриэля пробрала дрожь. Под надписью – тщательно выполненный той же краской рисунок размером сантиметров пятьдесят. Он узнал увеличенное изображение подвески, которую носила Жюли: книга в узорной обложке с изящно переплетенным орнаментом. Он обернулся к Солене, опиравшейся на перила:

– Объясни.

Она все никак не могла перевести дыхание.

– В середине две тысячи семнадцатого... Твоя бывшая жена получила анонимное послание, отправленное из Сен-

Жерве... В конверте лежала вырванная из романа страница... Из букв, обведенных на ней, составлялась фраза. Страница сто двенадцать, до сих пор помню. А роман – «Десять негрятят» Агаты Кристи. И... и там говорилось: «Ключи к разгадке находятся на станции на озере Мируар»... Поэтому мы явились сюда и обнаружили то, что ты видишь... Другие надписи, там дальше, появлялись с течением времени... Апрель восемнадцатого, февраль девятнадцатого...

Оглушенный, Габриэль сделал несколько шагов. Он понял, почему Поль так спешил избавиться от него, не допустить, чтобы он встретился с Коринной, почему не отдавал остальное досье. Между следующими колоннами друг под другом были написаны слова. Он прочел сверху вниз:

– «Лакал», «лавал», «нойон», «абба», «хапах»²⁷. Что это значит?

Солена подошла ближе. Потрогала кончиком указательного пальца последнее слово. На пальце остался красный след.

– «Хапах» здесь не было. Он только что его добавил.

Габриэль принялся. Свежая краска.

– Это палиндромы, – пояснила Солена, – слова, которые одинаково читаются слева направо и справа налево. Мы не знаем, кто и зачем несколько раз приходил сюда, чтобы их

²⁷ *Хапах (ксанакс)* – мощный транквилизатор, психотропное средство, действие которого проявляется в устранении невротических проявлений: страха, беспокойства и эмоционального напряжения, тревоги.

написать, в этом нет никакого смысла. «Лакал» – глагол, «Лавал», видимо Лаваль, и «Нойон» – названия городов, «Абба» – музыкальная группа. Что до «Хапах» – это, кажется, успокоительное.

– А вы не пробовали переставлять буквы, восстанавливать фразы?

– Это ничего не дало. И неудивительно, раз список неполон.

– А отпечатки?

– Никаких. Мы даже связались с полицией Лавалья и Нойона, задавали вопросы, но безрезультатно. По-моему, эти палиндромы описывают определенный психологический профиль того, кто их пишет. Этот тип любит «Аббу», как-то связан с Лавалем и Нойоном. Не исключено, что он заодно страдает депрессиями или просто слаб на голову. Какая-то хрень в этом роде...

Габриэль перечитал список:

– По-твоему, это соответствует профилю похитителя?

– Поди знай.

Он отошел вправо, снова посмотрел на фразу. Она леденила ему сердце.

– «Я знаю, где она»... По твоим словам, он написал это около трех лет назад. И он появляется на следующий день после того, как на берегу Арва обнаружили тело, чтобы оставить нам новые знаки.

Габриэль сжал кулаки. Подумать только, они же едва его

не поймали! Солена прислонилась к перилам.

– Черт, прямо из рук ушел. Как я выгляжу?

– Как будто ты засунула башку в микроволновку.

Она аккуратно потерла глаза.

– Есть еще одна вещь, которую ты должен знать. Твоя бывшая жена получила еще пять анонимных посланий. Отправлены они из разных городов. Шамони, Ключ, Анси... Предполагается, что их посылал один и тот же человек. Кто-то из местных, по всей видимости.

Габриэль почувствовал, как у него отчаянно забилось сердце.

– Опять страницы из романа?

– Да, из старых детективов с загадочной завязкой. Конан Дойль, Агата Кристи, Морис Леблан... Корифеи жанра, мэтры манипуляций и ложных наводок. И не абы какие страницы. Мы проверили: всегда те, которые предшествуют финальному разоблачению.

Начитанный псих, подумал Габриэль.

– Жюли обожала такие романы...

– Это всем известно.

– И тот же прием обведенных букв?

– Да, синей шариковой ручкой. Буквы всегда образуют однотипные фразы, если расставить их в правильном порядке. «Я знаю, кто виноват», «Ответ в этих строках», «Она страдает из-за вашей тупости». А в «Полой игле» Леблана он еще и подчеркнул один абзац. «Отчего этот страх? Будто что-то

давит... Разве с Полой иглой не покончено? А может быть, мое решение неуютно судьбе?»

Солена помнила фразы наизусть. У Габриэля мурашки побежали по коже. Глядя на эти странные послания, нетрудно было представить себе психологическое состояние Коринны. Он вспомнил взгляд, который она бросила на него в бригаде, ее угнетенный вид, страх в глазах. Эти письма не давали ей думать ни о чем другом, кроме Жюли. Они запрещали ей забыть.

– Мы, конечно, просмотрели списки клиентов книжных магазинов Сагаса, но это опять-таки никуда не привело. Я и сегодня еще пытаюсь понять, сидя у себя дома... А правосудие, со своей стороны, не установило связи между этой историей с вырванными страницами и палиндромами и похищением Жюли. Два эпизода не были объединены.

– Быть такого не может.

– К моменту, когда все это началось, дело об исчезновении твоей дочери было уже год как сдано в архив. И имя Жюли в письмах не упоминается. Везде говорится просто «она». Автор вполне мог нарисовать подвеску, основываясь на листовках, которые мы когда-то раздавали. У Коринны не было другого выхода, кроме как подать жалобу на некоего Икс за преследование. Ты же знаешь, что это значит. Дело никогда не считалось первоочередным, его просто засунули под кипу таких же папок с правонарушениями, которые, как зараза, расползаются по долине.

Габриэль не находил слов. В голове не укладывалось.

– Я знаю, Габриэль, знаю... Но Фемида – старая дама, она не выплясывает под чужую дудку по первому требованию. Разве что мы бы поймали типа, который с нами играет, и он бы дал серьезные показания относительно похищения твоей дочери, тогда, вполне вероятно, судья Кассоре согласился бы достать досье из дальнего ящика. Несмотря ни на что, Поль бьется, он не опустил руки. Ты же его знаешь. Как только у него выдается свободная минута, пусть даже в его личное время, он работает над этим делом. И предпочитает засиживаться в кабинете, а не дома. Ни для кого не секрет, что у них не очень ладится с Коринной...

Габриэль ничего не сказал, но прекрасно понимал, что Коринна не может ничего построить заново, пока не узнает о судьбе Жюли.

– ...Короче, Поль глубоко убежден, как и все мы, что оба дела связаны, и он ищет. Поверь мне, он ищет.

Габриэль снова увидел Поля в кабинете и в шале. Его вздохи, его вид старой апатичной улитки. Он просто делал вид. Его инстинкты охотника никуда не делись и были все так же обострены, как и в первый день службы. Он здорово провел бывшего друга.

Солена указала на стену:

– Этот анонимщик – игрок. Когда он говорит о «ключках к разгадке», он сводит все это к чертовому ребусу, решение которого надо найти, как в тех паршивых детективных ро-

манах. Он словно бросает нам вызов, словно заявляет: «Посмотрим, кто круче!» Кстати, если палиндромы нас пока еще никуда не привели, то вот подвеска дала новые факты.

– То есть?

Веки Солены так опухли, что ее поле зрения теперь ограничивалось двумя узкими горизонтальными щелочками.

– Обнаружив этот рисунок, мы решили побольше узнать о самой безделушке. По словам Луизы, Жюли утверждала, будто купила подвеску в ювелирном магазине в центре Сагаса, в «Золотой звезде». Даты она не помнила, но, порывшись в фотоальбомах, которые хранит твоя бывшая жена, мы выяснили, что подвеска впервые появляется на шее твоей дочери в сентябре две тысячи седьмого. Предыдущее фото Жюли датируется апрелем того же года, и там она ее еще не носит. Вероятно, она получила подвеску между этими двумя датами.

– Летом две тысячи седьмого...

– Ну да. В две тысячи восемнадцатом ювелирный магазин закрылся, но Поль устроил, чтобы мы смогли допросить тогдашнюю владелицу. Она заверила, что никогда не продавала такой подвески в своем магазине. Очевидно, Жюли солгала.

Габриэль никогда не обращал внимания на это украшение. Жюли постоянно такие покупала. Он сжал перила, посмотрел на гигантские турбины внизу.

– Какая причина может толкнуть девушку солгать о про-

исхождении украшения?

– Кража? Или она его нашла и не стала никому говорить? Может, оно было довольно ценным. Или же это чей-то подарок, который она решила выдать за покупку? Любовная история? Я не знаю. Но факт есть факт: во-первых, автор рисунка обратил наше внимание на деталь, которую ни один из нас не заметил. И во-вторых, у Жюли были секреты, которые она никому не раскрывала.

– И даже этой информации оказалось недостаточно, чтобы связать жалобу на некоего Икс и дело моей дочери?

Она покачала головой и утерла слезящиеся глаза:

– Судья Кассоре – материалист, он хочет доказательств. По его мнению, десять лет спустя владелицу магазина могла подвести память.

– Отговорки...

– Угу. Но это открытие всегда наводило меня на мысль, что в самой фразе все правда, – сказала она, указывая на стену. – Говнюк, который брызнул газом нам в морду, действительно знает, где твоя дочь, иначе с чего он так озверел? Замешан он в ее похищении? Сообщник? Или простой свидетель? Во всяком случае, *он знает*. Эта сволочь знает, он местный и играет с нами. С Коринной и Полем. Он хочет свести их с ума.

Габриэль взялся за свой новый мобильник. Сфотографировал надписи.

– И по любопытному стечению обстоятельств Эдди Леку-

антр работал на этой станции, – бросил он.

– Представь, мы тоже сопоставили оба факта. Но если он автор посланий, рискнул бы, по-твоему, он сделать такую глупость и явиться сюда, прекрасно зная, что стоит в Сагасе случиться какой-нибудь пакости, как первым делом подумают на него?

– Я его не знаю.

– Ты его знал, ты к нему прицепился не хуже лобковой вши. У парня коэффициент интеллекта на уровне дебила, он не из тех, кто может загадывать загадки или читать детективы. А вот тип, который пишет все это, вполне способен специально наводить нас на след Лекуантра, чтобы запутать и сбить с толку. Он так играет с нами. Кстати, когда обнаружили эти надписи, мы опять занялись Лекуантром, задали ему пару-тройку вопросов проформы ради. Но это не он.

– А обыск?

– Новый обыск у Лекуантра, ты хочешь сказать? Шутишь? Судья Кассоре ничего такого нам не позволил и даже по рукам надавал. В очередной раз сурово напомнил, что дело Жюли Москато и данное расследование никак не связаны, а в отношении Лекуантра мы не располагаем «серьезными и полноценными уликами, указывающими на его виновность». Он из тех судей, которые нерушимо придерживаются защиты свобод, если ты понимаешь, о чем я.

– «Не располагаете серьезными и полноценными уликами...» – повторил Габриэль.

Он схватил Солену за руку и потащил к лестнице:

– Совпадение это или нет, но сегодня Лекуантр не работает в гостинице. Дай мне его адрес.

– Нет, Габриэль. Нас и здесь-то быть не должно.

– Я и сам его добуду, только придется потерять время. Так что давай его сюда, и я подъеду глянуть, что там. Напавший на нас наверняка натерпелся страха. Я сразу увижу, не запаниковал ли Лекуантр.

– Не знаю, я...

– Что бы ни случилось, мы с тобой сегодня не виделись. Сюда мы не приезжали. Я подвезу тебя домой. У тебя не будет проблем.

– Плевать мне на проблемы. Я о тебе думаю. Я тебя знаю, и...

– Хуже уже не будет.

Габриэль был настроен очень решительно, и Солена в конце концов сдалась и объяснила, что Лекуантр живет в четырех километрах от каменоломни, рядом с шоссе, идущим в сторону Орньяка. Когда же она уселась на пассажирское сиденье и увидела, как Габриэль с тем же, что и двенадцать лет назад, выражением почуявшего добычу охотника, с визгом шин рванул автомобиль с места, то пожалела, что открыла ему правду.

Хищника выпустили на арену. И кончится это наверняка плохо.

Гудок в телефонной трубке. Наконец там подходят. Прерывистое дыхание. Дрожащее «алло».

– Мама? Это ты?

С наступлением ночи туман сгустился. Габриэль доверился указаниям GPS на своем мобильнике – точность этих приборчиков оказалась поразительной. Добравшись до внушительных скал каменоломни, он съехал на обочину. Фары скользили по очертаниям тракторных отвалов, подъемных кранов, каменных глыб, вырванных из чрева земли и сложенных в штабеля, как бревна. Голос матери согрел его. Она хотела знать, где он, все ли у него в порядке.

– Послушай, мама, я... со мной ничего серьезного, не волнуйся, но у меня небольшие проблемы с памятью. Я много чего забыл, и среди прочего – почему я вернулся в Сагас. Отсюда я тебе и звоню.

– Сагас? Проблемы с памятью?

Габриэль ограничился тем, что повторил слова невропатолога о приступе амнезии: рассказал, что проснулся накануне, потеряв память. Это не опасно, вопрос нескольких дней, но ему нужна ее помощь, чтобы вспомнить. На одном дыхании осведомился о ее здоровье. Более-менее. Она перебралась в приют при монастыре после череды падений, одно из которых в прошлом году стоило ей перелома бедра. Габри-

эль встревожился, но не подал вида.

– Ты не объявлялся уже несколько недель, – добавила она. – Ты не отвечаешь на звонки... Подожди...

Он услышал, как она с кем-то разговаривает. Наверно, с медсестрой. Хлопнула дверь.

– Последний раз я тебя видела уже... не припомню, два или три месяца назад? Ты приезжал установить какой-то бронированный сейф у меня в стенном шкафу. Ввинтил какие-то штуки в пол и залил бетоном, чтобы его нельзя было вырвать. А на следующий день принес пакеты и сложил их туда.

– Что за пакеты?

– Ты мне не сказал, а открыть сейф я не могу, у меня нет ключа. Очень крепкая штука. «Старк»²⁸ что-то там.

Габриэль повертел шнурок с ключом, висевший у него на шее:

– Что еще ты знаешь? Я встречаюсь... с какой-нибудь женщиной?

– С женщиной? Откуда мне знать, ты про свою жизнь больше ничего не рассказываешь. Наверняка ты впутался в какие-нибудь темные делишки, если уж решил что-то у меня спрятать. И я терпеть не могу, что ты сделал со своей головой, у тебя были такие красивые волосы. Ты мне только сказал, что скоро у тебя, наверно, появятся ответы. Мол, ты

²⁸ «Старк» («Stark») – итальянская фирма, известный производитель надежных сейфов.

узнаешь, что случилось с моей внучкой...

Габриэль почувствовал жар в животе. Значит, он не отступился. Он сжал ключ в кулаке.

– Ты все время искал владельцев того серого «форда», Габриэль. Все эти годы... На неделе ты подрабатывал то здесь, то там, чтоб на хлеб хватало. А после того как узнал, что машину угнали с парковки торгового центра в Бельгии, ты по воскресеньям или иногда по вечерам отправлялся туда, ездил вокруг Брюсселя по всяким городкам. Спал в гостиницах, иногда в машине, расспрашивал людей, собирал записи с камер, показывал фотографии... Господи, да ты и не жил почти...

Габриэль представил, как мотается от магазинчика к магазинчику в торговой зоне Икселя, обходит одну за другой все улицы, уверенный, что похититель кто-то из местных. Посмотрел на силуэт землечерпалки, потом на тонущую в подступающих сумерках дорогу.

– А имя Матильды Лурмель тебе о чем-нибудь говорит? Я тебе о ней рассказывал? Молодая женщина лет двадцати, исчезнувшая в две тысячи одиннадцатом году.

– Никогда не слыхала.

Он завел мотор.

– Спасибо, мама. Ключ от сейфа у меня с собой. Я скоро приеду.

Он еще немного поболтал с ней и повесил трубку. Каждая деталь его прошлого была кусочком пазла, которая толь-

ко путала его, а не вносила ясность. Что было в сейфе, если он предпринял такие радикальные меры? Почему он решил спрятать это что-то у матери, а не в собственной квартире?

Еще через десять километров он приехал в Орньак. Шале, разбросанные на альпийских лугах, едва заметный свет в окнах. Он свернул на горный склон, доверился указаниям женского голоса в своем мобильнике, ведущего его несмотря на густой туман. Налево и направо отходили ответвления дороги, позволяющие добраться до уединенных жилищ. Габриэль свернул на одно из них и припарковался, когда GPS-навигатор сообщил, что искомый адрес находится в двухстах метрах.

Стоило выйти из машины, как его тут же пробрал холод. Он еще чувствовал в глубине горла пощипывание слезоточивого газа. Из головы не шли палиндромы. Почему упоминался Нойон и Лаваль, а не Сагас, который тоже читался в обоих направлениях? Зачем выдавать по каплям эти столь особенные слова?

Тропинка вела к запертой двери гаража. Над ним возвышалось сложенное из бруса шале с деревянной лестницей и балконом. Парабола дорожки словно указывала на него обвиняющим перстом.

Никакого света. Пробравшись по саду, Габриэль обошел строение. У стен навалена куча поленьев, досок, садового инвентаря. Он поискал, нет ли баночек с краской, приблизил нос к застекленному проему, не прикасаясь к нему. Непро-

глядная темнота внутри. Он на всякий случай постучал. Никого. Натянул на ладонь рукав свитера, попробовал открыть входную дверь. Заперто. Вернулся к оконному проему позади дома; классическая модель: достаточно надавить, чтобы язычок замка поддался и можно было открыть.

Через минуту он был уже в гостиной.

21

Похищение... Незаконное лишение свободы... Убийство...

Слова крутились у него в голове на манер скворцов.

Неужели Габриэль стоял на пороге истины после двенадцати лет поисков? Существует ли связь между Жюли и другой исчезнувшей девушкой по имени Матильда Лурмель? На ощупь продвигаясь по гостиной Эдди Лекуантра, он чувствовал, как напрягаются его мускулы, словно тело угадывало то, чего не знала голова. Судя по всему, сюда его привела целая череда событий, как будто он следовал по белым камешкам.

Он не смог затворить стеклянную фрамугу из-за поврежденной задвижки. Ледяной воздух проник в дом. Он вздрогнул, когда его телефон издал пронзительный звонок посреди полной тишины. Номер Поля. Он тут же сбросил вызов. Он видел единственную причину, по которой жандарм решил с ним связаться: тот получил результаты анализа ДНК тела на берегу. С комом в горле, в ожидании, пока

поступит сообщение на голосовую почту, он осмотрел гостиничную. Трусы и носки на алюминиевой сушилке. Бутылка виски на низком столике рядом с пустым стаканом. Пара теплых тапочек у входной двери. Личное пространство одинокого человека, живущего затворником, который целыми днями собирает постельное белье в безликих гостиничных номерах и драит унитазы.

Подошел к телевизионной тумбе, открыл. Диски DVD аккуратно выстроены в ряд, чтобы названия были ясно видны на ребре футляров. Габриэль воспользовался светом от мобильного, чтобы прочесть. Ужастики, военные фильмы, детективы. Достал несколько штук, обнаружил второй ряд в глубине. Порнуха. Старая классика, но и кое-какие более экзотические, судя по постерам, полнометражные фильмы: латекс, покорные женщины, доминирование...

Он выпрямился, поискал книжные полки или просто книги, не нашел. *Он не из тех, кто читает детективные романы*, сказала Солена. Но, как и с DVD, Лекуантр мог хитрить, не выставляя свою игру напоказ. Открыв и потом закрыв несколько ящичков, он отправился в прихожую, обнаружил лестницу, ведущую в подвал; все это время он не спускал глаз с экрана мобильного, пока наконец не пришло новое сообщение. Он остановился у последней ступеньки, сделал глубокий вдох и включил автоответчик: *«Это Поль. Со мной связалась Солена Пелтье. Я знаю, что вы были на гидроэлектростанции, знаю про новую надпись и про нападение.*

Еще она сказала мне, что ты собирался навестить Лекуантра, и не только, чтобы поздороваться. Она боится за тебя. Не делай этой глупости и позвони мне».

Габриэль нажал на отбой, разозлившись на Солену. Огляделся вокруг. На стене висели гоночный велосипед, поливочный шланг, секатор. Прямо посередине гаража – газонокосилка и машина для рубки кустарника. Лекуантр явно не держал здесь автомобиль, а использовал это место как чулан. Габриэль приподнял кусок брезента, укрывавший кучу дров, заметил металлические банки разного размера. Морилка, лак, белая краска. Кисти отмачивались в растворителе или в мутной воде, но ничего красного. Подошел к стоящему слева верстаку с наваленными инструментами. Рабочая поверхность покрыта пылью и опилками, и только вокруг большого металлического шкафа с множеством ящиков было полно следов от подошв.

Кто-то здесь топтался, ровно на этом месте.

Он взял лежащие рядом садовые перчатки и надел их, прежде чем осмотреть ручки ящиков: на четвертом было меньше всего пыли. Он потянул его, приблизил мобильник, чтобы было лучше видно. Перед ним появилось лицо Жюли.

Габриэль вытащил три листовки, отпечатанные вечность назад его ассоциацией. Он постарался держать нервы в узде. В свое время эти листки раздавались, кажется, повсюду в городе, лежали во всех магазинах. Наверно, Лекуантр взял несколько, а потом засунул их сюда. Но почему парень полез

в ящик через двенадцать лет после исчезновения его дочери?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.